

Соло для шпаги

Автор:

Дмитрий Евдокимов

Соло для шпаги

Дмитрий Викторович Евдокимов

Бретёр на вес золота #2 Современный фантастический боевик (АСТ)

Кристиана де Бранди прозвали Смычком вовсе не за любовь к музыке. Он зарабатывает на жизнь шпагой, ведет дела с вором и ищет справедливости в споре за наследство, у него свои понятия о дружбе и чести, и плевать он хотел на сословные различия. Однажды порядочность и чувство долга не позволили ему бросить друга в беде, и Крис Смычок оказался вовлечен в стремительный водоворот событий, где опасность грозит из-за каждого угла, враги многочисленны и коварны, а рассчитывать можно только на собственную шпагу и провидение Господне.

Дмитрий Евдокимов

Соло для шпаги

© Дмитрий Евдокимов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Эта книга посвящается всем поклонникам романов о рыцарях «плаща и шпаги», а также лично Кристине Леонидовне Попиловской, большой любительнице историй об эльфах и приключениях.

Глава 1

Кантадерский трактир «Каштан» славится не только хорошей кухней и подаваемыми здесь знаменитыми на весь Нугулем местными винами, но и своим удобным местоположением. Заведение расположено на улице Танафе, примерно на одинаковом расстоянии как от центра Кантадера, так и от городских окраин, не слишком близко к речному порту, но и не слишком далеко от реки. Знойными летними вечерами открытая верхняя терраса «Каштана» овеивается легким ветерком, несущим речную прохладу от величаво катящей неподалеку свои воды Манары. Отсюда открывается шикарный вид на вечерний город с его ровными рядами масляных фонарей вдоль набережной и праздничными фейерверками, сверкающими то тут, то там в карабкающихся в гору кварталах местной знати. Совокупность этих факторов делает трактир привлекательным для самых разных слоев населения.

«Каштан» пользуется большой популярностью и в вечерние часы всегда полон народу. Народу, среди которого так легко затеряться. И народу, на глазах которого тебя поостерегутся убивать в том случае, если что-то пойдет не так. Ну и пути отхода с верхней террасы здесь особенно хорошие: можно уйти по внешней лестнице, а можно – по внутренней, используемой в основном местной прислугой. Еще можно спуститься по ограждению и декоративной решетке хоть в переулок Знойный, хоть на улицу Танафе. А в совсем уж плохой ситуации можно и прыгнуть с перил прямо на мостовую.

Всем хорош «Каштан» для таких людей, как я и Бельчонок, не зря мы предпочитаем этот трактир всем другим заведениям – очень уж удобное место для заключения и завершения сделок. Сколько дел мы здесь за три года провернули, и всегда все было хорошо. Вплоть до сегодняшнего вечера...

Мигель Эрнандес, более известный в определенных кругах как Мигелито Бельчонок, ты талантливый, можно даже сказать, гениальный, вор, но при этом абсолютный профан по жизни! Сколько раз моя шпага вытаскивала тебя из неприятностей, в которые ты попадал из-за своего парадоксального неумения разбираться в людях, а ты все так же упрямо продолжаешь ходить по краю! Ей-богу, лучше бы ты не скупился и платил Одноногому Лукасу долю за посреднические услуги! Я ведь предупреждал тебя, что везение не может длиться вечно и при таком подходе к делу беда обязательно случится!

Вот ты сидишь сейчас за столиком в центре зала и даже не подозреваешь, в какую жуткую передрагу попал сам и втянул меня! Как? Ну скажите мне ради всех святых, как можно было связаться с капитаном Карлесом де Монтегю? Мало того что от него самого за квартал веет опасностью, так он еще является одним из ближайших помощников графа де Бернье – командора Ожерского легиона, самой большой в Нугулеме компании наемников, а уж сам граф определенно напрямую общается с преисподней!

Как можно быть вором и не чувствовать людей, с которыми категорически нельзя связываться? Ибо чем больше эти люди обещают тебе за работу, тем выше вероятность, что единственной наградой в итоге будет хороший удар кинжала под ребро. Де Бернье с приспешниками обычно занимаются делами такого рода, что живые свидетели им категорически противопоказаны. Уж я-то знаю, довелось как-то наниматься к ним на одну, к счастью, не очень долгую кампанию, посмотрелся на его головорезов, наслушался историй об их подвигах. А посему, Бельчонок, знаю точно: что бы ты там ни украл по заказу де Монтегю, твой смертный приговор уже подписан.

Конечно же, у тебя есть я, Крис Смычок, и в большинстве случаев этого аргумента более чем достаточно, чтобы остудить горячие головы твоих заказчиков, но не в этот раз, Мигелито, не в этот раз. Для того чтобы становиться поперек дороги наемникам де Бернье, нужно либо иметь за спиной пару сотен мушкетов, либо быть сумасшедшим. Своей армии у меня нет, а с душевным здоровьем все более или менее благополучно. Так что прости, Бельчонок, я ухожу...

Приняв единственно верное решение, я, тем не менее, не двинулся с места. Нехорошо получается. Не то чтобы мы с Мигелем прямо друзья, скорее все же просто приятели, но уже не раз работали вместе и привыкли доверять друг другу. Да и в целом парень он неплохой, несмотря на то что вор. Нельзя вот так

просто бросить его на растерзание этим бандитам. Люди потом на меня косо смотреть будут, а главное – сам себе не прощу.

Понимаю, насколько это выглядит странно: я – дворянин, а он – вор, и для многих удивительным является сам факт нашего сотрудничества, но жизнь научила меня закрывать глаза не только на сословные, но и на профессиональные различия. Особенно когда речь идет о зарработке на эту самую жизнь.

Отыскав взглядом среди снующих по залу служанок Марию и дождавшись, когда она обратит на меня внимание, я продемонстрировал ей свою пустую кружку. Спустя минуту девушка уже оказалась рядом:

– Чего изволите, сеньор? – поинтересовалась она, склонившись надо мной с вежливой улыбкой.

– Срочно неси Бельчонку темного пива! – прошептал я ей на ушко и, исключительно для поддержания образа, игриво ущипнул за филейную часть.

– Все так плохо? – веселую беззаботность с лица Марии словно ветром сдуло.

Мигелито не любил пиво вообще, а темное так и вовсе на дух не переносил. Поэтому мы и придумали в свое время такую систему предупреждения об опасности. Светлое пиво – будь внимателен и осторожен, темное пиво – беги без оглядки! Хмельной напиток, при таком-то изобилии местных вин, не слишком популярен в Кантадере, но именно в «Каштане» торгуют действительно качественным продуктом, потому заказ пива здесь не вызывает особых подозрений, и использование его в качестве сигналов весьма удобно и практично.

– Дай бог нам пережить эту ночь, Мария... – Я вручил девушке монету и легонько подтолкнул в сторону лестницы. – Поспешите!

Тем временем небольшой кожаный мешок плавно перекочевал из рук Мигеля в руки де Монтегю. Тот не спеша распустил завязки и, не извлекая содержимого наружу, пару минут рассматривал его через горловину. Только после этого кивнул головой выступающему в роли телохранителя-казначея громиле д'Эльми, и весьма увесистый кошель под столешницей был передан мастеру-вору.

Бельчонок тоже не собирался верить заказчику на слово, потому взвесил кошель в руке, заглянул внутрь, дабы увидеть такой притягательный блеск монет, и лишь после этого спрятал деньги под плащом.

Тут и Мария с темным пивом подоспела. Нужно отдать должное Бельчонку: ни жестом, ни взглядом не выдал он своего волнения. Кивком головы поблагодарил служанку, повозился с завязками своего плаща и сбросил его на лавку рядом с собой. Это все для того, чтобы выиграть побольше времени. Марии не должно оказаться в поле зрения к тому моменту, когда он начнет пить пиво.

Я не стал досматривать этот спектакль до конца – пришло время мне отрабатывать свое жалованье. В трактире убивать Мигелито не решатся даже отморозки графа де Бернье. А вот позволить ему уйти отсюда с такой кучей денег – это не в их традициях.

По пути к выходу я заметил еще одну пару из сопровождения де Монтегю. Обоих мне приходилось встречать во время службы в легионе. Один из них, по фамилии ла Вивьер, скользнул по мне задумчивым взглядом, но, узнал или нет, понять было невозможно, тем более что их внимание сейчас было всецело сосредоточено на представлении, устраиваемом Бельчонком.

Как раз сейчас он должен пригубить пиво, соорудить кислую мину на лице, заявить о необходимости замены содержимого своей кружки и, оставив на месте свой новенький плащ, отправиться на поиски служанки. Некоторое время все будут ждать его возвращения, а вот потом начнется суэта!

Спустившись по внешней лестнице, я на минуту заскочил в нижний зал. Отыскал взглядом у входа на кухню Марию. Она кивнула головой – значит, здесь посторонних нет, никто не поджидает моего товарища. Это хорошо, это удачно. А удача – это то, что нам сегодня страсть как необходимо.

У входа в трактир со стороны переулка было не очень многолюдно, поэтому четверка кутающихся в плащи мужчин, тихонько беседующих в сторонке, но при этом внимательно наблюдающих за дверью в «Каштан», сразу бросалась в глаза. Интересно, сколько их всего?

Совершенно беспрепятственно пройдя мимо головорезов де Бернье, скользнувших по мне своими придирчивыми взглядами, я юркнул в темный

тупичок, часто используемый подвыпившими посетителями трактира в качестве отхожего места. Запах здесь стоял просто убийственный, и шанс вляпаться в самое настоящее дерьмо был чрезвычайно высок, но по этой же причине лучшего пути для экстренного отступления просто не существовало. Тем более что для знающих людей тупик вовсе не был тупиком.

Я замер, моля бога о помощи для себя и Мигелито и о том, чтобы в ближайшие минуты сюда не занесло какого-нибудь пьянчужку, озабоченного поиском места для опорожнения мочевого пузыря.

Бельчонок появился очень быстро. Благодаря маленькому театральному представлению наши противники еще не подняли тревогу в трактирном зале, а из-за того, что Мигель выскользнул из «Каштана» со стороны кухни, ему удалось проскочить мимо встречающей делегации невредимым. Запоздалый оклик раздался, когда он уже поворачивал в спасительный тупик. Впрочем, до спасения нам было еще очень далеко, приключения только начинались.

– Смычок? – прошептал Бельчонок, напрягая еще не привыкшие к темноте тупика глаза.

– Беги, Бельчонок, – подал я голос из своего угла, – беги очень быстро, много времени я для тебя выиграть не обещаю. И лучше исчезни из Кантадера прямо сейчас. Ты даже не представляешь, с кем связался!

– Встретимся на углу Амарго и Менорес! – Мой товарищ все еще был неисправимым оптимистом.

– Беги уже! – прошипел я, поскольку топот ног спохватившихся преследователей звучал уже совсем близко.

Мигелито исчез в темноте, а я снова отступил в сторону и прижался спиной к хлипкому деревянному забору.

Первый преследователь весьма самонадеянно нырнул в тупик, ни на мгновение не задержавшись у входа и не сбавляя скорость. Вовремя выставленная нога отправила его в полет с крайне неприятным приземлением. По поводу урона здоровью ничего не скажу, но тщательная чистка одежды ему теперь точно обеспечена.

Услышав шум падения своего товарища, второй противник предпочел притормозить на повороте и войти в темноту тупика более осторожно. Резко отделившись от забора, я ударил его эфесом шпаги в голову и тут же добавил стилетом в район груди. Раздавшийся скрежет металла о металл обозначил наличие под плащом у этого преследователя кирасы. Мой клинок бессильно соскользнул в сторону. Не давая врагу опомниться, я ударил его коленом в пах и тут же повторно взмахнул стилетом, на этот раз вонзив его противнику в ключицу. Боец де Монтегю вскрикнул и рухнул на землю.

Не теряя ни секунды, я сделал шаг назад и ударом локтя в затылок прервал поток отборной брани, раздававшейся из уст пытавшегося подняться первого преследователя.

Третий головорез вошел в тупик со шпагой наголо, и сразу за ним появился четвертый. Только вот преимущество все еще было на моей стороне: мои глаза привыкли к темноте, а они только сошли с хорошо освещенной улицы. Молниеносным выпадом я поразил третьего противника в правый бок. Тот запоздало попытался отпрянуть назад, наткнулся на своего товарища, споткнулся и фактически упал ему на руки.

Четвертый оказался парнем сообразительным – быстренько уволок раненого собрата обратно на улицу и принялся звать на помощь. Что ж, большей выгоды здесь уже не извлечь, пора позаботиться и о себе. Вернув шпагу и стилет в ножны и нисколько не беспокоясь об уроне своей дворянской чести, я отправился вслед за Мигелито Бельчонком вглубь тупика.

Быстро бежать было никак нельзя, поскольку любое неосторожное движение грозило неприятным падением с непредсказуемыми последствиями – не далее чем год назад один бедолага свернул здесь себе шею, убегая от стражников. Оптимизма добавляло лишь осознание того, что наши преследователи из-за незнания местности будут передвигаться еще медленнее.

Аккуратно перепрыгнув через небольшой ручей, я проломился сквозь заросли крапивы – еще лето не успело наступить, а она уже вымахала высотой с человеческий рост – и перемахнул через запирающий этот тупичок ветхий забор.

По едва угадывающейся в темноте тропинке перебежал через чей-то заброшенный сад, вскарабкался на разделяющую соседние участки каменную

ограду и прямо по ней направился в сторону улицы Дефо, откуда все явственнее доносились звуки боя.

Хотя бой – это слишком громко сказано. По факту же Бельчонок изо всех сил отмахивался от двух вооруженных шпагами наемников своим кинжалом-ронделем с гардой и навершием в виде дисков, а те просто забавлялись, играли с ним в кошки-мышки. Ошибка, господа! Хотите убить – убейте сразу, а если решили поразвлечься, то будьте готовы к внезапному изменению условий игры. Спрыгнув на мостовую метрах в пяти позади нападающих, я изрядно переполошил всю компанию. Как и полагается вору, Мигелито среагировал быстрее всех, в одно мгновение оказавшись за моей спиной.

– Господа, не изволите ли оставить моего приятеля в покое? – У меня не было уверенности, что эти двое тоже из команды де Монтегю, поэтому я предоставил им шанс просто уйти.

– Смотри-ка, Анхель, вор со шпагой, – усмехнулся один из теперь уже точно людей де Монтегю, – становится все веселее.

– Сделал все, что мог... – Пожав плечами, я вытащил из-под плаща уже взведенный пистолет и выстрелил в весельчака.

С такого расстояния попасть было проще, чем промахнуться, потому и шансов уцелеть у противника практически не было.

– Ах ты! – воскликнул тот, которого звали Анхель, и, переступив через тело товарища, бросился на меня со шпагой.

Только вот удивить ему меня было нечем: мое превосходство в скорости было таково, что за какую-то минуту я в двух местах разрезал ему рукав камзола и едва не отрубил кончик носа.

Кроме того, Бельчонок со своим ронделем постоянно заходил Анхелю за спину, заставляя нервно оглядываться и постоянно менять позицию. Так что очень скоро наш противник растерял весь свой пыл, весьма здраво рассудил, что жизнь дороже чести, и очень резво пустился наутек вниз по улице.

– Уходим! – скомандовал я Мигелю, возвращая шпагу в ножны.

Если де Монтегю выставил людей даже на соседние улицы, значит, дело очень серьезное. Бельчонок наконец-то проникся масштабом проблемы, потому без лишних уговоров припустил трусцой в сторону ближайшего переулка. В этом вопросе я полностью доверял его чутью и прекрасному знанию города. Почти полчаса мы петляли по кантадерским улицам, площадям, переулкам и подворотням. Остановились только у ограды монастыря Святого Диего, когда посчитали, что забрались достаточно далеко от «Каштана», чтобы не опасаться преследователей.

– Бельчонок, твоими стараниями у нас крупные неприятности! – сообщил я, как только сумел восстановить дыхание. – Ты это знаешь?

– Уже догадался. – Вор беспечно махнул рукой. – Дело того стоило!

– Ты сошел с ума, Мигелито! Люди графа де Бернье мелочами не занимаются и всегда тщательно замечают следы. Понимаешь, что это означает?

– Держи! – Бельчонок извлек из-за пазухи небольшой кошель и пачку перевязанных красной тесьмой писем. – Твоя доля! Десять реалов и часть добычи!

Я присвистнул от изумления. Ничего себе доля, это ведь целый эскудо выходит! Но вместе с тем холодные щупальца страха сжали мое сердце и заставили его бешено колотиться. Если на мою долю пришлось десять реалов, значит, Бельчонок получил не меньше сорока! Никогда, подчеркиваю, никогда граф де Бернье не станет выбрасывать такие деньги на услуги вора!

– Бельчонок, друг мой, – произнес я внезапно осипшим голосом, – а что же такого ты украл для сеньора де Монтегю?

– Письма, Крис, просто письма одного престарелого вельможи, – широко улыбаясь, ответил Мигель Эрнандес.

Я поднес к глазам полученную от напарника пачку писем и попытался в тусклом лунном свете что-либо разобрать на верхнем листе. Однако все мои усилия

оказались тщетными, осталось только ощущение, что почерк женский, но утверждать не берусь – слишком уж темно.

– А это зачем? – Я потряс пачкой перед лицом вора.

– Понимаешь, – тут Бельчонок слегка замялся, подбирая слова, – у меня была наводка на место хранения и конкретный заказ на пачку писем, перевязанную красной тесьмой. А чтобы хозяин не сразу понял, за чем именно охотились, велено было забрать еще несколько пачек с соседней полки. Я и сгреб еще с десятков в общую кучу, будучи в полной уверенности, что всегда отыщу нужную, и только потом обнаружил, что у меня оказалось целых пять пачек с красной тесьмой! Сегодня же я подумал, что одну нужно приберечь на случай, если заказчик начнет юлить с оплатой, – оставить небольшой рычаг давления.

– Но с тобой же расплатились!

– Да, заказчик отдал всю сумму, но тут Мария принесла темное пиво, у меня все мысли спутались, и я забыл об этих письмах.

– Бельчонок! Моли бога, чтобы нужная де Бернье и де Монтегю информация не оказалась именно в этих письмах! Иначе они точно не успокоятся, пока не разрежут тебя на части. И меня, кстати, с тобой вместе!

– Ну, так это... – Кажется, мой приятель только сейчас осознал степень угрозы. – Я думал на пару месяцев уйти на дно, отсидеться дома.

– И думать забудь! – решительно отмел я его планы. – Нужно уходить из города, и как можно скорее.

– Но, Крис, никто не знает, где я живу!

– Поверь мне, Бельчонок, они перевернут Кантадер вверх дном, перетрясут всех трактирщиков, стражников, контрабандистов, воров, но отыщут тебя! Если хочешь жить – нужно бежать!

– Хорошо! – В этом был весь Бельчонок: еще минуту назад был категорически против бегства, а теперь легко соглашался с его необходимостью. – Но Эстела не

соберется так быстро. Сегодня нас уже точно никто не найдет, мы за ночь спокойно соберем пожитки и завтра же уедем из Кантадера. Только и ты тогда уж приходи к нам. Тебя быстро найдут, ты-то из своего жилья секрета не делал. А вместе и спокойнее будет, и в дороге веселее.

Ага. Не то чтобы спокойнее, просто будет кому шпагой отмахиваться от супостатов. То есть вроде бы и обо мне позаботился Бельчонок, но и себя не забыл. Вообще-то мне проще самому бежать, в одиночку, когда рассчитывать можно только на себя, но и отвечать приходится лишь за себя любимого. Но есть в словах вора и рациональное зерно.

Бельчонок очень трепетно относился к тайне своего места жительства. Насколько я знаю, его всегда искали или в «Каштане», или через Одноногого Лукаса. И никогда ни от кого я не слышал даже в качестве хвостовства слов «я знаю, где живет Бельчонок». Как ни странно, но после двух лет знакомства и пары десятков совместных дел именно я оказался допущен в святая святых и даже был удостоен чести познакомиться с очаровательной подругой Мигеля Эстелой.

А вот я никогда не считал нужным скрывать адрес своего проживания, потому и вероятность того, что ищейки капитана именно через меня будут пытаться выйти на Мигеля, была очень высока. А уж в том, что мое имя быстро станет известно, можно даже не сомневаться. Для этого преследователям достаточно просто задать пару вопросов в трактире. А может, меня даже узнал кто-то из бойцов де Монтегю. Сам-то он в том дерзком налете на небольшой портовый городок Наввского халифата был капитаном роты и мог не знать всех солдат в лицо, тем более что почти треть состава была новобранцами, а вот простые наемники могут по мнить.

Да уж, посмотрелся я тогда на подвиги компании де Бернье. Нет, пока штурмовали город и расправлялись с гарнизоном, все было нормально – война есть война. Но то, что творили наемники после взятия города, навсегда отвратило меня от желания быть одним из них. С тех пор, как бы плохо ни шли мои дела, вербовочные конторы графа де Бернье я обходил десятой дорогой.

– Сделаем так, Мигелито. Ты идешь домой и готовишься к отъезду. А я очень быстро забегаю на свою квартиру, хватаю вещи и прихожу к тебе.

Как бы ни был я беден, кое-какие вещи у меня имеются, и бросать их очень не хочется. Думаю, что еще полчаса форы у меня есть. Должен успеть. На том и порешили. До сих пор я не знаю точно, какое решение в ту ночь было бы правильным...

В свою скромную квартиру, которую снимал на улице Риша, я попал спустя четверть часа. Предварительно разбудил живущего в этом же доме на первом этаже квартиросдатчика и предупредил об отъезде. Чтобы не выслушивать долгую старческую проповедь о нравах нынешней молодежи и обо всех неудобствах, которые я доставлю ему, внезапно съехав с квартиры, сразу заплатил за последний месяц двойную цену.

Вещей у меня совсем немного. Я ведь фактически голодранец, не имеющий ни кола ни двора, как перекаати-поле, скитающийся с места на место, нигде подолгу не задерживаясь. Как начал с детства метаться между Нугулемом и Эскароном, так до сих пор остановиться не могу.

Родился я в Нугулеме, отца и мать потерял так рано, что совершенно их не помню. После их смерти меня забрал к себе один престарелый дядюшка, не имевший собственной семьи. Так я оказался в Эскароне, где до девяти лет рос вполне себе счастливо в маленьком поместье неподалеку от столицы страны Монтеры. Однако все изменилось в один день со смертью родственника. Сразу выяснилось, что хозяйство он вел крайне неумело, тратил больше, чем зарабатывал, потому имение должно отойти не малолетнему наследнику, а кредиторам. А кроме этого, нашлись еще и другие родственники, оспорившие завещание и, главное, способные погасить дядюшкины долги. В конце концов так и произошло. Естественно, что сирота, да еще являющийся дальним родственником, потенциально способным в будущем заявить свои права на наследство, оказался нежелательным лицом. И меня спланировали к другой родне обратно в Нугулем.

В замке барона де Вилья – дальнего родственника по материнской линии – мне жилось гораздо менее вольготно по сравнению с Эскароном. Здесь я воспитывался вместе с тремя кузенами, двое из которых были старше меня и никогда не упускали шанса воспользоваться своим преимуществом в росте и силе: тычки и подзатыльники стали постоянными явлениями в моей жизни. Хотя барон и старался не обделять меня своим вниманием, но делать это в присутствии родных внуков ему было трудно. Тем более что родители кузенов не

скрывали своего неприязненного отношения ко мне и постоянно настраивали детей против меня. По всей видимости, считали, что барон тратит слишком много средств на содержание «безродного голодранца», а может, опасались, что мне будет выделена какая-то доля наследства.

Как бы то ни было, атмосфера всеобщего презрения и ненависти сыграла свою роль. В тринадцать лет я сбежал из дома с Аларкосским пехотным полком, отправлявшимся в заморскую провинцию Нугулема для очередной войны с Наввским халифатом. В солдаты меня, понятное дело, не взяли, но я влился во вполне стройные ряды малолетних денщиков-мочилеро и три года исправно исполнял свои обязанности при сержанте Васко Ньюто.

В полку тоже было несладко, но, закаленный жизнью среди де Вилья, я легко вписался в армейский быт. По меньшей мере здесь были общие для всех правила и границы дозволенного, а следовательно, гораздо меньше необоснованной несправедливости. Ну и школа жизни у меня получилась – куда там баронской. В шестнадцать лет меня полноценно зачислили в полк, а к двадцати я уже считался чуть ли не махровым ветераном.

С окончанием войны корона сильно сократила жалованье солдатам, и я в числе многих решил поискать счастья в наемниках. Так и оказался среди головорезов де Бернье, которые в частном порядке продолжали делать то, что уже не могла делать регулярная армия, то есть воевать. Только вот то, как наемники это делали, мне сильно не понравилось, и, едва дождавшись окончания кампании, я ушел на вольные хлеба.

Зарабатывал на жизнь шпагой, охранял купеческие обозы, а когда по воле случая оказался в столице соседнего Эскарона, нанялся в бывший тогда у всех на слуху дворянский Патруль. И так уж получилось, что в разразившейся вскоре после этого войне Нугулема и Эскарона я уже выступал на стороне последнего. А после войны меня нежданно-негаданно нашло письмо нотариуса с приглашением вступить во владение замком и землями, оставленными мне бароном де Вилья! Сказать, что я был удивлен, значит ничего не сказать! Недолго думая, я отправился в путь – от такого разве отказываются?

Только вот по прибытии на место выяснилось, что есть более позднее завещание, где все имущество отходит кузенам, а я среди наследников вовсе не упоминаюсь. Хотел поговорить по душам с нотариусом, да у родственничков все кругом уже было куплено, и добиться правды было решительно невозможно.

Меня даже грозились упечь в местную тюрьму якобы за устройство беспорядков. Пришлось приложить немало усилий, чтобы избежать подобного исхода, соответственно, к кузенам у меня накопилось очень много вопросов. Потому я поселился неподалеку от них, в Кантадере, терпеливо дожидаясь возможности повстречать кого-то из них в городе. Богатырским телосложением я не обладаю, но это нисколько не мешает мне весьма прилично владеть шпагой, так что связываться со мной решаются немногие. Вот и кузены вынуждены были из-за меня обходить Кантадер десятой дорогой. И вот теперь, волею судьбы и неосмотрительности Бельчонка, приходится мне избавлять родственничков от своего соседства.

С вещами удалось управиться за четверть часа. Еще раз зашел к хозяину, отдал ключ и попросил всем интересующимся говорить, что квартирант съехал еще два дня назад. Впрочем, по выражению его лица сразу стало понятно: расскажет правду с мельчайшими подробностями. Зря я заострил его внимание на своем отъезде.

На улице пока было спокойно. Быстренько перебежав за угол, я еще минут десять прислушивался, так как почему-то был уверен в скором появлении на улице людей де Монтегю. Но никто так и не появился. Может, я переоценил их способности? Дай-то бог.

На Жасминовой улице пришлось вжаться в тень широкой воротной арки, чтобы разминуться с патрулем городской стражи. Не лучшее сейчас время для общения с этими малоприятными господами, тем более что разговор их крутился вокруг происшествия в «Каштане».

Еще на подходе к кварталу, в котором проживал Бельчонок, обратили на себя внимание отсветы пламени на фоне ночного неба. Всецело занятый осмотром дороги, сначала я не придавал им особого значения. И только подойдя ближе, понял, что до роскошных вилл аристократов, где каждый божий день кто-то что-то празднует с музыкой и фейерверками, отсюда очень далеко, следовательно, речь может идти только о занимающемся пожаре. Я остановился как вкопанный.

На какой из участков следует входить с улицы, я не знал: Мигель не показывал, да и сам никогда не ходил домой через парадный вход. Но по примерному расположению внутри квартала было очень похоже, что горит именно жилище моего товарища. Черт, черт, черт! Я бегом бросился на боковую улицу, нырнул в переулок, пересек вытянутый в длину заросший травой овраг и вышел к

тропинке, вьющейся через заросли орешника вдоль тыльной стороны участков.

Тело Бельчонка лежало прямо у отодвигающейся доски забора. Разговор был коротким: его ударили шпагой и добили кинжалом. Потом обыскали тело – ни оружия, ни денег при Мигелито больше не было. Я сжал кулаки и застонал в бессильной ярости. Как же так, Бельчонок? Ну как же так? Ведь они знали! Они знали, где ты живешь! Поэтому не тратили время на погоню и поиски в ночном городе, а сразу направились сюда и поджидали в засаде! Но как? Как?

Ответ обнаружился по ту сторону забора. У едва заметной тропинки лежало еще одно тело. И это было тело Одноногого Лукаса. Эх, Мигелито, недооценил ты воровского сообщества! Или потерял бдительность? Как бы то ни было, но Лукас знал дорогу и, себе на погибель, привел людей де Монтегю сюда. Боже мой, там ведь в доме Эстела! Страшно подумать, что эти негодяи могут сделать с бедной девушкой!

Минута паники и растерянности быстро прошла. Холодная решимость заставила унять бешено бьющееся сердце. Они убили моего друга! Все-таки друга! Я отчетливо понял только сейчас: вор Бельчонок был моим другом! И проклятые наемники убили его, а сейчас убивают его подругу! Может быть, хоть ее я успею спасти! Безмолвной тенью скользнул я в темноту маленького сада.

Пока горел только пристроенный к дому дровяной сарай, но огонь добрался уже до крыши и вот-вот должен был перебраться на жилое строение. Нужно спешить! Однако в следующий миг пламя пожара высветило стоявшего на тропинке человека. Черная шляпа с пером, оттопыренная шпагой пола темного плаща. Двух мнений быть не может: убийцы еще здесь!

Прислонившись к стволу дерева, наемник любовался видом объятого пламенем сарая. За этим интересным занятием он и умер. Я не стал размениваться на благородные мелочи вроде приглашения к бою – удар стилета в спину сделал свое дело. Тут вам не дуэль, тут война!

Из-за угла дома появился еще один человек в шляпе и плаще и направился в мою сторону. О неприятности, приключившейся с товарищем, он знать не мог, так как перед домом было гораздо светлее, нежели в тени деревьев. По той же самой причине невозможно было на расстоянии отличить меня от убитого наемника. Я решительно отправился навстречу, держа руку под плащом на

эфесе шпаги.

Мой противник заподозрил неладное, когда расстояние между нами сократилось метров до трех.

– Эй, а где Дюпон?

По крупной комплекции я уже предполагал, что мне посчастливилось встретиться на узкой тропинке с д'Эльми, а подав голос, он лишь подтвердил мою правоту.

Шпага молнией вылетела из-под моего плаща и полоснула здоровяка по лицу. Ума не приложу, как он сумел отшатнуться таким образом, что отделался лишь порезом на правой щеке. Воистину крупные люди иногда проявляют просто чудеса ловкости и изворотливости! Д'Эльми успел даже выхватить шпагу из ножен, но на этом запас его везения был исчерпан. В следующем выпаде я проткнул наемника насквозь.

Несколько мгновений боец де Монтегю еще сохранял равновесие, держась рукой за пробитую грудь и судорожно пытаюсь вдохнуть воздух широко раскрытым ртом. Потом ноги его подкосились, д'Эльми грузно осел на землю, после чего завалился на спину. Я кончиком шпаги откинул полу его плаща в сторону. На поясе наемника обнаружился кинжал Бельчонка, а по соседству с ним располагался тот самый кошель, что был передан вору в «Каштане». Значит, вот кто убивал Мигелито!

С трудом подавив приступ ярости, я забрал заработанные моим другом деньги, потом извлек кинжал-рондель из ножен и ударом в грудь добил уже слабо хрипевшего к тому моменту противника. Мне показалось правильным и весьма символичным оставить кинжал Бельчонка в теле его убийцы.

Покончив со вторым негодяем, я поспешил к дому. Огонь уже охватил дощатый фронтон, нужно было поторапливаться.

В маленькой кухоньке рыжеволосый наемник суетливо сбрасывал приглянувшиеся предметы утвари на расстеленный на полу плащ. При виде меня он испуганно закричал и попытался заслонить телом свою добычу. Несусветная жадность, замешанная на глупости! Где на свет божий рождаются

такие дураки? Хороший удар шпаги оборвал крик рыжего.

На шум из комнаты выскочил еще один боец из команды де Монтегю, в примечательной белой шляпе с темно-зеленым пером. Этот быстро сориентировался в ситуации и отпрыгнул назад раньше, чем я сумел до него добраться. Ну, ничего, далеко не убежит.

Со шпагой в правой руке и взведенным пистолетом в левой я вошел в комнату как раз вовремя, чтобы спустить курок на полсекунды раньше противника. Ответный выстрел так и не прозвучал, но это было дело чистой воды везения, а не результатом правильности моих действий. Мысленно выругав себя за неосторожность, я переступил через тело обладателя белой шляпы и остановился перед Эстелой.

Она сидела на стуле посреди комнаты, связанная по рукам и ногам, ее голова была безвольно запрокинута назад, губы разбиты, платье залито кровью. Тело уже успело остыть, из чего следовало, что бандиты попали в дом заранее. Может, они уже были здесь в тот момент, когда Бельчонок передавал добычу в трактире, то есть приговор был подписан заранее. Мерзавцы пытали бедную девочку, видимо, надеялись добиться выдачи тайника с деньгами, да только зря все это было: денег, достойных тайника, в этом доме просто не водилось. На моей памяти сегодняшняя сделка была первым и единственным жирным кушем в жизни Мигелито.

Не время предаваться отчаянию и оплакивать друзей, пора самому уносить ноги. Подняв тело Эстелы вместе со стулом, я вынес его в сад и оставил возле трупа д'Эльми: не нужен ей погребальный костер, пусть бедную девочку похоронят нормально, по-христиански.

Глава 2

Граф де Бернье подчеркнуто спокойно свернул последнее письмо, аккуратно уложил его в ровную стопочку таких же слегка пожелтевших от времени писем и перетянул красной тесьмой.

– Так значит, маркиз де Сальвери в бешенстве? – голосом, лишенным эмоций, осведомился глава Ожерского легиона у нервно потеющего в окружении трех бойцов из охраны графа щеголевато одетого молодого человека.

– Скорее в панике, монсеньор, – смущенно прочистив горло, ответил щеголь. – Мечется по замку, отдает противоречивые приказы, рассылает людей во все стороны.

– А скажи-ка мне, Эрнесто, сколько всего было пачек писем с красной тесьмой? – сложив руки в замок, вкрадчиво поинтересовался де Бернье.

– На верхней полке только одна, на второй и третьей было еще несколько, я не считал, – нервно облизнув губы, ответил молодой человек. – Но нужные нам письма лежали именно наверху.

– Хорошо, – помолчав несколько томительных минут, принял решение глава наемников, – капитан, выдайте господину секретарю обещанное вознаграждение.

– Держи, секретарь! – мрачный капитан де Монтегю, не вставая со стула, бросил Эрнесто туго набитый кошель.

– Благодарю вас, монсеньор! – мгновенно воспрянувший духом секретарь ловко поймал кошель на лету. – Благодарю вас! С вами приятно иметь дело! Всегда к вашим услугам!

– Исчезни! – мрачно процедил сквозь зубы де Монтегю, в то время как граф де Бернье невидящим взглядом смотрел сквозь молодого щеголя. Этого человека для него уже не существовало.

Секретарь маркиза де Сальвери почел за благо быстренько покинуть помещение, охрана последовала вслед за ним, оставляя главу наемников и его верного капитана наедине.

– Маркиз де Сальвери – слишком влиятельная персона, – едва слышно произнес граф, – ссориться с ним нам не с руки. Ни одна ниточка не должна привести к нам.

– Я понимаю, командор, все будет в лучшем виде, – усмехнулся капитан.

– Вору были даны точные инструкции?

– Абсолютно.

– Какого же тогда черта?! – де Бернье впервые проявил эмоции, повысив голос и стукнув кулаком по столу. – Неужели он прочел?

– Исключено, неграмотный он. Думаю, просто подстраховаться решил. На случай, если я с ним не расплачусь, придержать пачку писем.

– Но ты же расплатился? – Граф повернул голову к де Монтегю, и у того мурашки побежали по коже от брошенного на него грозного взгляда.

– Конечно, расплатился! – поспешил успокоить командира капитан Ожерского легиона. – Но наш Бельчонок работал с прикрытием, думаю, его предупредили, что с нами опасно иметь дело.

– Де Монтегю, не испытывай мое терпение! Кто предупредил и какое это имеет значение, если ты заплатил обещанные деньги?

– Его охранял некий Кристиан де Бранди, более известный как Крис Смычок. Дворянин, работавший у нас по найму в одну из Наввских кампаний. Он мог узнать меня и подать знак Мигелито.

– Смычок, Смычок... – Главный наемник с минуту покопался в памяти. – Невысокого роста, чернявенький, юркий такой, подвижный, со шпагой лихо обращается?

– Мне бы вашу память, командор! – восхищенно воскликнул де Монтегю.

– Кто его опознал? – поинтересовался де Бернье, проигнорировав лесть подчиненного.

– Ла Вивьер. И д'Эльми его лицо показалось знакомым.

– Smyчок – дворянин, не исключено, что грамотный... – Граф побарабанил пальцами по столу и вновь многозначительно посмотрел на капитана.

– Уже ищем, монсеньор! – Де Монтегю изо всех сил постарался достойно выдержать взгляд своего командира. – Адреса обоих уже известны. Д'Эльми отправился к вору, ла Вивьер – к Smyчку.

– Отправь людей на пристань и на все выезды из города. Они не должны уйти.

– Будет сделано!

Как только за одним из его ближайших помощников закрылась дверь, де Бернье сгреб пачку писем со стола, прошел к камину и безжалостно бросил их на тлеющие угли. А после того как они вспыхнули, стал наблюдать за огнем, тщательно перемешивая старые бумаги кочергой. Увы, это были не те письма, ради которых стоило рисковать вступать в противоборство с такой влиятельной фигурой, как маркиз де Сальвери, потому оставлять их при себе было недопустимо.

Надо срочно искать нужные бумаги, перевернуть вверх дном весь город, но непременно раздобыть их! Нельзя упускать такой шанс пробиться в фавориты принца Роберта, тем более что тот в одночасье может перескочить через две ступени в очереди за нугулемской короной.

– Подумать только: Smyчок и Бельчонок встали у меня поперек дороги! Дожил! – угрюмо усмехнулся командор, зачарованно наблюдая, как последние листки бумаги превращаются в пепел. – Что ж, поглядим, на сколько их хватит.

Глава 3

Восточный ветер стянул дымовую завесу с поля боя, обнажив улепетывающую со всех ног нугулемскую пехоту. Справедливости ради стоило отметить, что в этом спешном отступлении и пикинеры, и аркебузиры в большинстве своем не спешили расстаться с оружием.

– Смотри, Рауль, – граф Серж де Сен-Мар протянул руку, указывая племяннику в сторону отчаянно старающихся добраться до перелеска зеленых мундиров, – сейчас появятся остроухие и устроят форменную мясорубку.

– Но, дядя, – у молодого Рауля де Людоня азартно блестели глаза в предвкушении первого настоящего боя, – если их настигнут в поле, то подмога не успеет.

– Да и бес с ней, с пехотой, – легко согласился де Сен-Мар, – главное, чтобы эльфы увлеклись преследованием.

Словно в подтверждение слов графа, нугулемцы стали массово валиться на землю, настигаемые длинными эльфийскими стрелами, а вскоре из клубов порохового дыма появились стремительные гибкие фигуры в переливающихся плащах. Скорость, с которой они на бегу выпускали в сторону противника огромное количество стрел, была просто невероятной.

Регулярных нугулемских частей в этом деле в долине с эльфийским названием Акутель практически не было. Северные бароны действовали на свой страх и риск при молчаливом согласии властей: проучить слишком много позволявших себе в последнее время эльфов было нужно, но втягиваться в полноценную войну страна пока была не готова. Королевство еще не оправилось от болезненного поражения от Эскарона трехгодичной давности. Собственно говоря, именно тогда страна эльфов Анкилон и активизировалась, отняв у Нугулема две большие горные долины и отодвинув границу чуть не на сто километров южнее.

Сами долины были практически не заселены и использовались скорее в качестве буферной зоны между нугулемским севером и Анкилоном. Но их потеря привела к тому, что теперь воспрянувшие духом остроухие постоянно беспокоили уже непосредственно земли северных баронов.

Когда-то давно эти самые бароны были храбры и воинственны, а их отряды многочисленны и хорошо обучены. Именно они в свое время загнали эльфов в горы и на долгие годы отбили у них охоту соваться в нугулемские поселения. Но это было давно. Сейчас же потомки тех самых героических северных землевладельцев с горем пополам собрали около двух тысяч скверно обученных бойцов, десять раз переругались при выборе предводителя и отправились

«учить жизни» эльфов.

Слава богу, что губернатор де Оливарес позволил усилить этот разномастный сброд батальоном пехоты и эскадроном рейтар из кастельонского гарнизона, иначе де Сен-Мар ни за что не согласился бы примкнуть к распаленным воинственной риторикой своих сеньоров северянам. Эльфы, даром что до сих пор отдают предпочтение луку и стрелам, в состоянии нагнать страху на неподготовленных вояк. А вот имея в рядах войска регулярные части, можно попытаться воинского счастья и дать получить первый боевой опыт племяннику.

Кастельонский батальон и проявил ожидавшуюся от него стойкость. Регулярная пехота не поддавалась панике и сохранила стройность рядов. На град стрел солдаты ответили метким огнем аркебуз, а попытку смять их в ближнем бою пресекла дружная работа пикинеров.

Часть эльфов завязли в попытке разобраться с неуступчивым батальоном, но большинство увлеклись преследованием баронских вояк. Еще немного – и они подставят свои фланги ожидающей в засаде кавалерии, еще немного, еще чуть-чуть... Внезапно преследователи согласованно, как по команде, развернулись и бросились наутек.

– Вот черти остроухие! – изумленно воскликнул граф и грязно выругался.

Решив, что лучше уж атаковать врага сейчас, пока он не успел отойти на первоначальные позиции, баронская кавалерия ринулась в бой. Увлеченный общим порывом, сорвался с места и Рауль.

– Стой! Рауль, назад! Не время еще, не время! – раздраженному нелепой и преждевременной атакой де Сен-Мару пришлось тоже пришпорить лошадь, дабы сильно не отстать от юного родича, приглядывать за которым он обещал брату.

Вполне предсказуемо эльфы дружно развернулись, выпустили по паре стрел в сторону приближающейся кавалерии и вновь побежали. Поскольку целили они преимущественно в лошадей вырвавшихся вперед всадников, то ряды атакующих вынуждены были замедлиться из-за возникших на пути заторов: самые быстрые скакуны валились прямо под ноги своим поотставшим собратьям.

Де Сен-Мар ловко обогнул несколько завалов, все еще стараясь не упустить из виду спину племянника. Дальше можно было не сильно спешить: теперь остроухие должны отступить до начальных позиций, под защиту своих копейщиков. Там кавалеристам волей-неволей придется замедлиться, чтобы перестроиться и постараться охватить обороняющихся с флангов. Если, конечно, не удастся с ходу опрокинуть оцетинившиеся длинными копьями ряды, но это вряд ли.

Однако нугулемцев ждал большой неприятный сюрприз. Вновь повинуюсь какому-то сигналу, участвовавшие в разгоне вражеской пехоты эльфы бросились наземь, открывая защитникам рубежа обзор на приближающихся всадников. Но вместо града стрел оттуда грянул мушкетный залп! Бог ты мой! Эльфы и огнестрельное оружие! Не рухнут ли следом небеса на землю?

Но и это было еще не все! Через минуту, когда пороховой дым над эльфийскими построениями немного развеялся и отступающие бойцы королевства Анкилон добрались-таки до спасительной стены дружественных пик, со стороны горного воинства раздались выстрелы пушек! Картель скосила первые ряды атакующей кавалерии, и графу теперь оставалось лишь молиться богу, чтобы юный Рауль уцелел в этой мясорубке.

– За мной! За мной! В обход! – крикнул де Сен-Мар ближайшим к нему всадникам и направил коня влево. Несколько десятков кавалеристов устремились за ним, уходя с линии огня за ближайший холм.

Де Сен-Мар был слишком опытен, чтобы просто повести свой маленький отряд вокруг холма, уж слишком велика там была вероятность нарваться на превосходящие силы врага. Вместо этого ведомые графом всадники прошли прямо по склону и, совершенно неожиданно для противника, вынырнули сбоку от нацеленных на отражение атаки с фронта копейщиков.

Маленький отряд врубился в ряды эльфов, внося в них сумятицу и смерть. Здесь де Сен-Мар своими глазами увидел неприятельских аркебузирова, неумело старающихся перезарядить непривычное оружие. Будь у графа за спиной хотя бы сотня рейтар, можно было бы опрокинуть основной отряд анкилонцев, добраться до батареи и с большой долей вероятности одержать победу. Но со столь малыми силами думать нужно было не о победе, а о выигрыше максимального количества времени для своих товарищей.

Не останавливаясь ни на мгновение, де Сен-Мар прорубился к первым рядам копейщиков, сбил грудью коня четверых эльфов, еще двоим добавил шпагой по голове, абсолютно не беспокоясь за результат, и, вырвавшись в поле, помчался назад. Как раз за мгновение до этого вражеские пушки разродились очередным залпом, что давало дерзкому отряду шанс уйти безнаказанным, воспользовавшись временем перезарядки.

Так оно и вышло. Пушкари были заняты загрузкой пороха и ядер, а аркебузиры не сразу справились с замешательством, в итоге граф быстро вывел своих кавалеристов из-под удара. Но сам задержался в месте наибольшего скопления тел нугулемцев.

– Рауль! Рауль! – надсаживая голос, кричал Серж де Сен-Мар, мечась по полю боя и всматриваясь в груды бездыханных и еще подающих признаки жизни тел.

Нужно было торопиться, ибо граф слышал уже резкие команды эльфийских командиров и видел, как главный полк анкилонской армии двинулся вперед. Через несколько минут он окажется в досягаемой близости для вражеских стрел, а там и копейщики подоспеют с обычной пехотой, неплохо владеющей наррашем – эльфийским аналогом шпаги.

– Дядя! – наконец раздался где-то рядом сдавленный крик.

– Рауль, я здесь!

Де Сен-Мар спрыгнул с коня и быстро стянул с племянника бездыханное тело незнакомого всадника. Правая нога юноши оказалась придавлена убитой под ним лошадью. Напрягая все силы, Серж приподнял удерживающий Рауля на земле лошадиный круп, позволяя тому освободить ногу. Слава богу, она была цела, и графу не пришлось тащить Рауля на себе, такое промедление могло погубить обоих.

– Быстро! – Де Сен-Мар вернулся в седло и помог усесться позади себя племяннику. – Уходим!

– Дядя, а как же сражение? – наивно спросил Рауль, оглядываясь на груды нугулемских тел, разбросанных вокруг.

– Нет больше никакого сражения, Рауль! Эльфы победили!

– Мы не ожидали, что у них будут пушки!

– Мы много чего не ожидали! – проворчал граф, направляя коня на юг, в сторону спасительной дубовой рощи.

Эльфов не так много, чтобы вести речь о полноценном вторжении, скорее всего, они ограничатся упреждающим набегом на ближайшие деревушки и вернутся в свои долины. Де Сен-Мар же уедет как минимум в Кастельон, а то и в Уэску, где присутствуют настоящие нугулемские войска. Под началом же бестолковых баронов он больше воевать не собирается.

– Откуда у Анкилона огнестрельное оружие – это вовсе даже не вопрос, – размышлял вслух граф, имея в виду союзнические отношения остроухих с Аллорией и Эскаронем. – Но вот кто не только заставил упрямых эльфов взяться за него, отложив в сторону традиционный лук со стрелами, но и обучил передовым методам боя? Плохо дело, здесь малыми силами теперь не обойтись.

Глава 4

Задерживаться на пожарище я не стал. Долги убийцам моих друзей выплачены, но сдается мне, что наемники из Ожерского легиона не просто заматают следы после очередного грязного дела, а мстят за уже пострадавших этой ночью товарищей. Свой кодекс чести они чтут безоговорочно, и тут я с ними полностью согласен: многие остерегаются связываться с людьми де Бернье именно из-за этого стайного принципа, обещающего гарантированное возмездие за убитых легионеров. Проблема лишь в том, что я только что хорошенько приумножил счет, который мне постараются предъявить наемники. Так что оставаться в Кантадере теперь для меня смерти подобно.

Придется покинуть полюбившийся город и вновь отправиться в свои бесконечные скитания. На радость родственничкам де Вилья! Впрочем, мой первый порыв выяснить с дражайшими кузенами отношения уже давно иссяк, и в Кантадере я оставался скорее от неимения своей крыши над головой, чем от

желания извести под корень род де Вилья. Так что решение уносить ноги далось мне достаточно просто, гораздо сложнее было определиться с выбором направления бегства.

И вот здесь я мог дать полную свободу своей фантазии, ведь можно было с одинаковым успехом отправиться хоть на юг, хоть на запад или восток. Можно даже на север двинуться, но там не так уж далеко до эльфийской границы, где сейчас слишком неспокойно. Впрочем, может, это и к лучшему: в том направлении меня станут искать в последнюю очередь.

В том же, что меня будут искать, я совершенно не сомневался. У графа де Бернье медвежья хватка и недюжинный ум, несомненно, он сопоставит факты и поймет, кому обязан срывом своих планов в Кантадере. Я слишком хорошо знаю эту публику, чтобы просто залечь на дно и надеяться, что вскоре все само собой успокоится.

Известно ли людям графа о моем монтерском периоде жизни? Ответ может быть любым, но лучше исходить из тех соображений, что известно. Потому напрямую в Эскарон я отправиться не рискну, а вот, сделав крюк в сторону севера, пожалуй, попробую.

Неисповедимы пути господни! Судьба словно насильно подталкивает меня в сторону страны, с которой меня связывают наиболее теплые воспоминания. Как ни крути, а та часть детства, которую я считаю счастливой, прошла в Эскароне, да и до получения этого проклятого письма о баронском наследстве я вполне хорошо себя ощущал в Монтере. Вот и отправлюсь туда. Рене Орлов не откажет в протекции старому знакомцу, а учитывая, что сам он теперь уважаемый человек и даже граф, да еще и на хорошем счету у могущественного начальника департамента безопасности королевства графа де Бюэя, проблема обустройства на новом-старом месте и вовсе выглядит пустячным делом. И есть еще один важнейший довод в пользу Эскарона: люди де Бернье там вне закона, им туда хода нет.

Размышлял я на тему выбора направления бегства из Кантадера на ходу, пробираясь по темным улицам к речному порту. Во-первых, нужно было как можно скорее покинуть район, в который уже начали стягиваться стражники, пожарные и простые зеваки. Во-вторых, от порта можно было двинуться к северной заставе, а можно и напроситься на отправляющееся вверх по реке судно, благо денег у меня на такие путешествия теперь хватает. Если смотреть

по карте, то ближайший путь к цели моего путешествия лежал на восток, но, к большому сожалению, там дорогу преграждали горы, которые легче обойти, нежели продирааться через редкие перевалы. Так что выбор невелик: либо на юг до морского порта по суше или по реке, либо на север, через города Энсенадо, Уэска и Кортиана.

Однако же, дойдя до улицы Ливаро, я остановился как вкопанный.

– Смычок, ну не дурак ли ты? – спросил я сам у себя, для пущей убедительности стукнув себя кулаком по лбу.

Какой порт? Какая северная застава? Если уж на кону стоят такие деньги, то люди де Бернье взяли под наблюдение все выходы из города еще днем, чтобы Бельчонок не смог ускользнуть. Нельзя соваться ни туда, ни туда, если жить хочу! А я пока на тот свет не спешу.

Я свернул вправо, пересек маленький парк позади монастыря Святого Антония, перебрался через остатки старой городской стены и оказался в темном и неприглядном районе Триана, населенном преимущественно городской беднотой и наемными работниками с окрестных ферм. Гулять здесь в темное время суток чужакам не рекомендуется – как по причине большой вероятности быть убитым и ограбленным, так и из-за возможности свернуть себе шею, угодив в темноте в канаву с нечистотами. Зато через Триану можно выйти из Кантадера прямо в поля, минуя все заставы и посты стражи.

Я не часто бывал здесь, но повадки местных обитателей были мне прекрасно знакомы. Потому, едва заслышав сзади осторожные шаги, небрежно бросил через плечо:

– Крысам на корм пущу, канальи!

Подействовало. Еще десяток шагов ночные охотники следовали за мной, оценивая реальность угрозы, потом отстали. И правильно сделали, ибо в противном случае все вышло бы ровно так, как я и обещал. Не по зубам я местным грабителям.

Миновал перекресток с главной местной достопримечательностью – трактиром «У Марии», в котором отродясь никакой Марии не было, я осторожно спустился в

овраг. А поднявшись на его противоположный склон, уже очутился на окраине ржаного поля. Здесь город заканчивался.

Когда намечал себе маршрут, думал в этом месте постоять пару минут, глядя на ночной город. Так сказать, попрощаться с Кантадером. Однако, повернувшись, обнаружил, что отсюда смутно видны лишь ближайšie трущобы Трианы да далекие огоньки расположенных на горе богатых вилл. Сплюнув с досады, я отправился прямо по ржаному полю в сторону севера, стараясь при этом немного забираться левее, чтобы утром выйти к дороге на север, в сторону города Энсенадо.

Впрочем, на сегодня я счел свою задачу выполненной и, завернувшись в плащ, завалился спать прямо в поле. Думаю, что банда графа де Бернье завтрашний день точно должна потратить на мои поиски внутри Кантадера, так что нет никакого смысла сбивать ноги в темноте, тем более что денек выдался беспокойный, а силы мои не беспредельны. Лучше отдохнуть сейчас, в месте, где меня гарантированно не найдут, чем потерять бдительность от усталости на дороге.

Кантадер – еще не север Нугулема, но здесь уже чувствуется дыхание предгорий, а по ночам воздух прилично остывает даже в середине лета. К утру не то чтобы стало холодно, но после знойного дня и душного вечера утренняя свежесть оказалась прекрасным бодрящим средством, чтобы разбудить меня еще до восхода солнца.

Быстро сделав с десяток разминочных движений, чтобы согреться, я направился в сторону дороги. Почти сразу мне повезло встретить крестьянина на телеге, спешащего по утренней прохладе вернуться из города в свою деревню. За медную монету он любезно согласился подвезти меня до постоянного двора в селе Сабадель и поведал новости о странном переполохе в Кантадере и наемниках, которые совместно с городской стражей проверяют всех выезжающих из города.

Я изобразил неподдельный интерес, чтобы потешить самолюбие рассказчика, и полностью поддержал его утверждение, что при короле Хуане Добром такого безобразия не происходило. Хотя откуда мне знать, как было при короле Хуане, если он правил еще до моего рождения? Жаль, что о ночных происшествиях мой попутчик не имел ни малейшего представления, завалив меня рассказами о чем угодно, только не об интересующих меня событиях. Это было странно, поскольку

обычно слухи такого рода распространяются быстрее ветра. Было похоже на то, что де Бернье настолько серьезно относится к этому делу, что убедил городского алькальда де Стефано действовать в своих интересах.

Липкие щупальца страха проникли в мою душу, заставив невольно оглянуться в сторону удаляющегося Кантадера. Что же такого украл Бельчонок, что наемники готовы ради этого перерыть сверху донизу большой город? Или ими движет только лишь месть за убитых товарищей?

Месть тоже важна, это для Ожерского легиона вопрос престижа, но на силовую поддержку завершения сделки с Мигелито были изначально брошены слишком большие силы. Что-то тут не так. И ответ может крыться в тех письмах, что Бельчонок вручил мне бонусом к оплате моих услуг. Придя к такому выводу, всю оставшуюся дорогу до Сабаделя я с трудом сдерживал желание ознакомиться с содержимым писем немедленно.

Со словоохотливым возницей мы распрощались у постоялого двора «Еловая шишка». Его деревня располагалась в стороне от большой дороги, и он предпочел продолжить путь, не задерживаясь здесь на стаканчик вина. Я же оплатил комнату, заказал завтрак в номер и велел в течение часа меня не беспокоить.

За чтение писем принялся прямо за едой, терпеть дольше не было мочи. Дважды останавливался из-за охватывавшего меня чувства стыдливости – чтение подобных писем для меня все равно что подглядывание в замочную скважину. Неприлично. Да и ничего необычного в них не было, просто любовная переписка молодого дворянина и замужней женщины. Причем, судя по пожелтевшей бумаге и выцветшим чернилам, истории этой было как минимум пара десятков лет, так что нельзя было даже быть уверенным, что ее участники еще живы и находятся в добром здравии.

Но любопытство и желание пролить свет на причины наших с Бельчонокм злоключений в конце концов преодолели мои моральные устои, заставив-таки дочитать чужие письма до конца.

Дворянина звали Фернандо, сеньору – София, и их любовная связь длилась не менее пяти лет. Более того, плодом этой любви стали двое сыновей! Потом любовникам пришлось расстаться, но полная трогательных слов переписка

продолжалась еще много лет.

Ну и что здесь, черт побери, такого, что могло заинтересовать де Бернье? Настолько заинтересовать, чтобы отвалить за эти письма кучу золота Бельчонку, а потом перевернуть половину Кантадера в их поисках? Решительно не понимаю! Ладно бы история была относительно свежа, чтобы использовать ее в целях шантажа, но тут-то все не так: случилось это лет так двадцать-тридцать назад, и бастардам, рожденным от этой яркой, но, по сути, преступной любви, сейчас больше лет, чем мне.

Я настолько погрузился в размышления, что не сразу обратил внимание на доносящийся с улицы шум. Судя по всему, на постоянный двор прибыло сразу много людей, и они вполне могли оказаться наемниками Ожерского легиона. Эта тревожная мысль заставила меня испуганно метнуться к окну.

Слава богу, нет. Это были не люди де Бернье. Во дворе «Еловой шишки» стояла роскошная карета с незнакомым мне гербом на дверце. Слуги в синих ливреях выгружали из нее дорожные сундуки, местные конюхи распрягали лошадей, а богато одетый толстячок лет пятидесяти на вид на повышенных тонах разговаривал с группой вооруженных людей. Последних было восемь человек, и по тому, как почтительно они себя вели по отношению к толстяку, можно было определить их как находящихся на службе у этого чем-то недовольного господина.

Судя по всему, это нанятая охрана при богатом сеньоре, причем почти целиком состоящая из бывших солдат. Лишь предводитель, как раз и споривший о чем-то с нанимателем, явно был дворянином.

Я высунулся в окно, стараясь разобрать суть спора, но тут распахнулась дверца кареты, и во дворе «Еловой шишки» появилась прелестная молодая девушка. Правильные черты лица, вьющиеся каштановые пряди, выбивающиеся из-под модной шляпки, легкая походка... Она не могла не привлечь к себе внимания. Причем не только моего, но и всех находившихся в это время во дворе, включая командира охраны и сердитого сеньора. Все как по команде замолкли, обратив свои взоры на сеньориту.

– Отец, я распорядюсь насчет завтрака! Сеньоры, жду вас через четверть часа в общем зале!

– Сеньоры, Елена, не хотят нас дальше сопровождать! – нервно выпалил хозяин кареты. – Хотя уговор был совсем другой!

– Насильно мил не будешь, папенька, не хотят – не надо. В Энсенадо найдем новую охрану.

Сказано это было совершенно спокойно, без малейших проявлений гнева или презрения к нарушившим договор охранникам, но и без сожаления. Я невольно залюбовался девушкой, демонстрировавшей завидную выдержку и в то же время отсутствие высокомерия и заносчивости. Большая редкость по нынешним временам в среде юных аристократок, знаете ли.

И тут, словно почувствовав мой взгляд, сеньорита подняла голову и увидела меня, наполовину высунувшегося в окно. Наши взгляды встретились, я в первый момент растерялся, но потом сподобился-таки на молчаливое приветствие. Елена ответила легким кивком головы, после чего направилась внутрь «Еловой шишки». Из моей же груди невольно вырвался вздох сожаления: почему-то сразу подумалось, что именно такую девушку я хотел бы видеть хозяйкой в своем доме, и тут же вспомнилось, что никакого дома у меня нет, а голодранцам вроде меня не стоит даже мечтать о таких сеньоритах.

– Как жаль! – прошептал я и снова вздохнул.

Невольно моя рука нащупала перевязь, в которую я загодя аккуратно перепрятал все монеты из оставшегося от Бельчонка кошелья. По иронии судьбы, именно сейчас я чувствовал себя обеспеченным на год вперед человеком. Правда, это если вести тот образ жизни, что я вел в Кантадере. В таком случае я мог бы безбедно существовать, даже не торгуя, как обычно, своей шпагой, но этих денег было явно недостаточно, чтобы обзавестись собственной усадьбой или даже просто домом.

От невеселых мыслей меня отвлек осторожный стук в дверь. Слуга сообщил, что оседланная лошадь ожидает меня в конюшне. Что ж, не нужно забывать о грядущей мне опасности. Чем быстрее я уберусь подальше отсюда, тем больше у меня будет шансов остаться в живых.

В эту ночь долина Акутель была ярко освещена огнями сотен больших костров и тысячами факелов. Почти десять тысяч эльфов праздновали великую победу над ненавистным Нугулемом. Несколько веков враги из рода человеческого шаг за шагом теснили светлых воинов в дремучие леса и холодные горные долины, не успокаиваясь, пока по эту сторону гор оставался хоть один эльф. Ненасытных южан остановили скорее горы с их суровым климатом и дефицитом плодородных земель, нежели упорство ослабленных постоянными войнами эльфов. В результате нугулемской экспансии эльфийское королевство Анкилон лишилось чуть не половины населения и двух третей территории.

Эльфам было за что ненавидеть весь род человеческий, они веками мечтали о мести людям, которых презрительно называли сегдами, и неоднократно предпринимали попытки взять реванш, но люди становились все сильнее и раз за разом наносили анкилонцам болезненные поражения. Дело дошло до того, что подданные эльфийского владыки на несколько десятилетий заперлись в горах, радуясь уже тому, что их просто оставили в покое. Многие тогда склонны были поверить в пророчества об угасании эльфийской расы.

Но три года назад Нугулем ввязался в войну с Эскароном и потерпел жестокое поражение, его северные границы оказались почти беззащитными, чем поспешили воспользоваться анкилонцы, практически без сопротивления вернув себе несколько плодородных долин. Может, нугулемцы и отбили бы их обратно, да неожиданные союзники в лице эскаронцев подтвердили законность эльфийских завоеваний условиями мирного договора. Так что нугулемскому королю пришлось смириться с тем фактом, что долины остались за Анкилоном.

Однако подобное положение дел категорически не устраивало приграничных землевладельцев: одни из них лишились своих наделов, другие не желали иметь столь беспокойных соседей, как эльфы, так что мира на новой границе не было ни дня. В непрекращающихся взаимных набегах гибло мирное население, угонялся скот, уничтожался урожай. Численность вовлеченных в противостояние постоянно росла, столкновения шли с переменным успехом, но до сих пор это были все же пограничные стычки. А вот сегодня в долине Акутель произошло первое полноценное сражение между баронами нугулемского севера и анкилонской армией князя Лантаниона Агирре. И впервые за долгое время эльфы одержали в ней убедительную победу.

Светлейший князь Лантанион из великого дома Агирре сегодня просто светился от счастья. Его ставка на армию приносила все большие дивиденды. А ведь риск потерпеть очередное поражение от Нугулема и тем самым угробить свою репутацию был очень велик. Не зря же добрый десяток представителей великих эльфийских домов под разными предлогами отказались от этой сомнительной чести. Что ж, пусть теперь кусают локти, ведь благодаря этой победе его шансы на трон владыки уже возросли, а при грамотном ведении дел и вовсе могут взлететь до небес!

Строго говоря, сегодняшняя битва не была крупной, но это не так уж и важно. В конце концов, смотря с чем сравнивать. А сравнивать будут с поражениями последних десятилетий да результатами мелких пограничных стычек. И тут уж результат налицо! Уж слишком давно Анкилон не побеждал Нугулем в полноценных полевых сражениях. И пусть большая часть нугулемской армии представляла собой сборную солянку из ополчений местных баронов, регулярные части королевской армии тоже присутствовали на поле боя. А раз так, можно смело трубить на весь мир о великой победе над людьми! Здесь главное – правильно подать новость, сделать акцент на нужных вещах, все остальное пусть останется в тени, а через время и вовсе сотрется из памяти.

И то, что фактически анкилонской армией в бою руководил генерал Арчерион, тоже не так уж важно, ведь он всего лишь простой тан, то есть дворянин низшего пошиба, и за ним не стоит ни один из великих домов. Мало того, даже в захудалом доме Эйнаурральде он является изгоем, так что политического веса не имеет никакого. Если уж на то пошло, он вообще прибыл сюда представителем эскаронского короля для помощи в реорганизации эльфийской армии и любой свой шаг согласовывает с ним, светлейшим князем Лантанионом.

– Слава светлейшему князю Лантаниону из дома Агирре и его победоносной армии! – торжественно провозгласил Нимидель, эльф из ближайшего окружения князя.

– Слава! Слава! Слава! – взметнулись вверх тысячи наполненных сладким эльфийским вином кубков.

– Арчериону из дома Эйнаурральде, нашему полководцу, слава! – поднявшись, зычным голосом провозгласил князь.

– Слава! Слава! Слава!

На этот раз возгласы прозвучали на порядок тише, но на лице генерала не дрогнул ни один мускул. Он давно уже не питал иллюзий по поводу всенародной любви к себе на родине. Не нужно было ему возвращаться! Все ведь было у него в Эскароне: дом, друзья, служба, уважение, но разве же начальнику департамента безопасности откажешь?

– Друг мой, ты необычайно мрачен для такого великого праздника, – над ним склонилось широкоскулое лицо Лантаниона с хищно загнутым носом, – ты больше других заслужил эти почести. Ведь это ты принес нам победу! Настоящую, большую победу!

– Для нугулемцев стали большим сюрпризом наши пушки, – пожал плечами Арчер, – в следующий раз они так не оплошают.

– В следующий раз будет следующий раз, – усмехнулся князь, – а сегодня мы празднуем победу! Пей, веселись, наслаждайся моментом!

– Да, светлейший! – Спорить с представителем великого дома Агирре было бесполезно, поэтому эльфийский полководец покорно склонил голову.

– Мои поздравления, светлейший! Наконец-то сегдам указали их истинное место!

Перед князем подобострастно склонился высокий светловолосый эльф. Из-под расшитого золотыми позументами плаща была видна переливающаяся в свете огня факелов серебряная кольчуга – признак древности и богатства дома. Ничего удивительного, ведь эрлы – это вам не какие-нибудь таны или простые эльфы. На эльфийской сословной лестнице они лишь на ступеньку ниже князей, так что в большинстве своем немногим уступают им в деньгах и власти.

– Эрл Мереон Азкаarraга! – Князь отсалютовал подошедшему кубком. – Ваш отряд сегодня покрыл себя славой! Будьте покойны, владыке будет доложено о ваших подвигах!

– Благодарю вас, светлейший князь! Надеюсь, в ближайшее время у нас будет возможность совершить еще много подвигов, ведь исконные земли Анкилона простираются еще на сотни километров на юг.

– Об этом мы подумаем завтра, Мереон! Но, признаюсь тебе честно, – хитро улыбнувшись, эльфийский предводитель подмигнул собеседнику, – у нас с генералом Арчерионом существуют разногласия по поводу дальнейших действий.

– Тан Эйнауэральде слишком долго прожил среди сегдов. – Мереон отвесил Арчеру вежливый полупоклон, но даже не попытался убрать с лица насмешливую улыбку. – Неужели их женщины лучше эльфиек?

– Не о том думаешь, эрл, – усмехнулся в ответ генерал, – для нас сейчас было бы величайшей глупостью подавиться насмерть, попытавшись откусить слишком большой кусок пирога.

– Скажи, Арчерион, – вкрадчиво промолвил Мереон, – почему ты так жалеешь нугулемцев? Ты ведь жил в Эскароне, а там почти так же их ненавидят, как и у нас.

– Ты меня не слышишь, – печально покачал головой Арчер.

– Довольно споров! – прервал дискуссию князь. – Сегодня мы пьем за победу и ее главного творца – нашего генерала Арчериона! Слава!

– Слава! Слава! Слава! – отозвались сотни эльфийских голосов.

Как только представитель великого дома, увлеченный празднованием, забыл о нем, Арчерион поспешил исчезнуть. Он вернулся в свою палатку, зажег масляный фонарь и склонился над расстеленной на походном сундуке картой. Генерал смотрел на нее, но мысли его были далеко.

Ведь как все хорошо начиналось! В вечном противостоянии с Нугулемом Эскарону был нужен сильный союзник на севере, и эльфы были подходящим вариантом. Тем более что новым главнокомандующим был назначен Лантанион, сумевший даже на начальника департамента безопасности Эскарона графа де

Бюэя произвести впечатление благоразумного и деятельного командира. Настолько благоразумного, что он готов был преодолеть традиционный для своего народа консерватизм по отношению к огнестрельному оружию.

Эльфы в большинстве своем никак не желали избавиться от высокомерия по отношению к людям и всему людскому, потому упрямо не желали признавать превосходство аркебуз, мушкетов и пушек над луками, копьями и наррашами. Нужно ли говорить о том, сколько сражений было проиграно из-за этих дурацких предубеждений?

Князь Лантанион открыл новому оружию дорогу в Анкилон, само оружие поставили эскаронцы. И вот тут-то и понадобился Арчер, долгое время живший в Эскароне и хорошо знакомый как с огнестрельным оружием, так и с современными методами ведения боевых действий. Ему доверяли эскаронцы, и он был эльфом – других таких кандидатур, устраивавших бы обе стороны, просто не существовало.

И Арчерион два года пахал как проклятый, чтобы сегодня пожинать заслуженные лавры победителя. Но все было не так просто. Эльфов можно было научить стрелять из аркебуз и пушек, но совершенно невозможным оказалось вытравить из них ненависть к людям, которых они презрительно называли сегдами. Это было неприятно, но Арчерион теперь понимал нугулемцев, несколько веков кряду безжалостно загонявших его предков в горы, – другого языка, кроме языка силы, эльфы не понимали.

Вот и сейчас, освоив новое оружие и убедившись, что оно в состоянии приносить пользу, его соотечественники рвались вперед, жаждали людской крови и совершенно не желали прислушиваться к доводам рассудка. Даже казавшийся таким благоразумным светлейший князь Лантанион с каждым днем все больше и больше поддавался влиянию реваншистских настроений, требующих незамедлительно идти возвращать исконно эльфийские земли. Еще немного – и даже страх похоронить вместе с поражением свои шансы на занятие в будущем трона владыки будет не в состоянии удержать князя от глупостей!

Зря граф де Бюэй поверил в Анкилон! Эльфы не будут играть по его правилам. Несмотря на все усилия Арчера, они ползут вглубь Нугулема, нугулемцы расценят это как нападение и пришлют на север королевскую армию. Будет война, в которой у Анкилона нет никаких шансов на победу. А эскаронцам-то как раз война не нужна! Им нужно иметь на севере вооруженный кулак, способный в

случае нового обострения отношений с грозным соседом угрожать совместным ударом ему во фланг!

- Что ж, может, это и к лучшему, – прошептал генерал.

Никак он не мог предполагать, насколько неуютно будет себя чувствовать среди соотечественников. Но если Лантанион нарушит условия договора с Эскароном, Арчер сможет считать свою миссию оконченной и вернуться в Монтеру. Бравые эльфийские вояки считают, что уже все знают и умеют, почувствовали себя непобедимыми? В таком случае его руководство им больше не нужно, а добровольно участвовать в безумствах он не собирается. Тем паче что в своем воинственном угаре его соотечественники не делают различий между людьми и без раздумий обратят против эскаронцев, попадись они на пути, их же оружие.

- Хорошо, что ты добился освобождения всех пленных, – как и положено разведчице, Ненор возникла в палатке совершенно бесшумно, – сейчас бы их точно перерезали. Там такая вакханалия, того и гляди прямо сейчас выступят на Нугулем.

- Очень надеюсь, что князь протрезвеет раньше, чем отдаст приказ, – хмуро ответил Арчерион.

- На него давят. И столичная верхушка, и прихлебатели из его окружения здесь, типа эрла Мереона. Этот явно из всей партии войны самый влиятельный. Если он умрет, остальные поутихнут. Хочешь, я сделаю это? – Она опустила на корточки, чтобы заглянуть ему в глаза.

Можно было не сомневаться, что разведчица способна справиться с этой задачей, но Арчериона не устраивала смерть оппонента, способная бросить хотя бы тень подозрения на него и его сторонников. Вот если бы это произошло во время какого-нибудь несанкционированного светлейшим князем рейда на вражескую территорию – тогда другое дело. А глупо подставляться, тем паче рисковать жизнью Ненор он не собирался. Невооруженным взглядом было видно, что эльфийка питает к нему большую симпатию, но генерал пока старался держать дистанцию, принципиально не желая давать волю чувствам на службе. Однако для обоих было очевидно, что и он неравнодушен к разведчице, так что все могло измениться в один прекрасный день, если Арчерион покинет эльфийскую армию.

– Нет-нет, так не пойдет! – Он протянул ей руку и помог подняться. – Если это случится в нашем лагере, то все сразу подумают на меня или моих друзей. А если в бою, то жажда мести за него только подхлестнет горячие головы.

– Как же тогда нужно?

– Пока никак. Нужно подождать – и Мереон сам ошибется, я в этом уверен.

– А если нет?

– Если нет, то я умываю руки. Нападение на Нугулем – это катастрофа. Нам нужно сейчас закрепиться здесь, в долине Акутель, на большее у нас просто нет сил.

Оба немного помолчали, обдумывая сказанное, затем Ненор неуверенно спросила:

– А «умываю руки» в твоём понимании – это что? Возвращение в Эскарон?

Арчер понял, что она имеет в виду, и, неожиданно для самого себя, предложил:

– Поехали со мной!

– Ух, неожиданно! – восхищенно выдохнула разведчица. – Я подумаю!

– Думай! И прошу тебя, не нужно самостоятельности! Держись ближе ко мне.

– Слушаюсь, мой генерал! – Ненор браво щелкнула каблучками и, звонко засмеявшись, выскользнула на улицу.

Глава 6

Мне посчастливилось увидеть сеньориту Элену еще раз внизу, в большом зале «Еловой шишки», где она отдавала распоряжения поварам по поводу завтрака

для своих людей. Девушка не повернула голову в мою сторону, но я готов был поручиться, что отчаянно косила глазами все время, пока я шел от лестницы к выходу. Я же снова поймал себя на мысли, что просто люблю эту незнакомкой. Эх, и почему она не встретилась мне в эскаронской столице, где я чувствовал себя гораздо увереннее?

Впрочем, не время мечтать о несбыточном. Вот разберусь с этой мутной историей, в которую влип по вине бедняги Мигелито, вернусь в Монтеру, к прежней жизни. А там, если не транжирить деньги налево-направо, через пару лет можно накопить на небольшой дом в городской черте. Не замок, не поместье, но уже кое-что. С таким уже и о семье подумать можно. Кузены же де Вилья пусть подавятся своим наследством. Правы они или не правы – бог им судья, больше я не буду тратить время на эти глупости.

И мечтать о богатых и красивых сеньоритах тоже не буду. Я не из охотников за богатыми наследницами и привык во всем рассчитывать только на себя и свою шпагу. Хотя... Кому я вру? Об этой мечтать буду – очень уж хороша, по крайней мере, на первый взгляд. А в таких случаях второй взгляд, может, и не нужен, чтобы не портить впечатление от первого.

Купленная мной в «Еловой шишке» лошадка оказалась вполне приличной, так что к обеду, преодолев почти два десятка километров, я уже прибыл на постоянный двор «Окорок», где рассчитывал обменять ее с доплатой на свежего скакуна. Отсюда до городка Энсенадо было всего три километра, но заезжать в сам город не было необходимости, поскольку чуть раньше дорога поворачивала на восток, в сторону Уэски – крупнейшего города северо-востока Нугулема.

Однако намеки на то, что мои дальнейшие планы начнут рушиться, появились еще на пути к «Окороку». Дорога оказалась заполнена беженцами с севера и отступающими (а вернее, бегущими) остатками иррегулярной армии баронов северных территорий. Оказалось, что два дня назад состоялось довольно-таки крупное приграничное сражение между баронами и эльфами. И последние нанесли нугулемцам неожиданное поражение.

Постоянный двор был забит битком, ни свободных комнат, ни сменных лошадей там не оказалось. Не помогали даже обещания увеличить плату вдвое. Люди опасались эльфийского вторжения и торопились убраться подальше от границы.

Выловив из толпы слуг, снующих во всех направлениях, одного из местных конюхов, я поручил его заботам лошадь, приправив поручение медной монетой и обещанием из-под земли достать да три шкуры спустить, если он плохо справится. Раз уж невозможно найти другое средство передвижения, значит, нужно позаботиться о том, что есть. Что ж, придется отобедать в «Окороке», часок поспать в конюшне на свежем сене, чтобы дать лошади отдохнуть, и продолжить путь.

Однако пообедать тоже оказалось не так просто, поскольку трактирный зал был переполнен. Если бы не двое дворян, пригласивших меня за стол, вкушать свой обед мне пришлось бы на улице или все в той же конюшне.

Старший из моих сотрапезников представился графом де Сен-Маром, а безусый юноша – племянником графа виконтом де Людонем. Оба принимали участие в том самом злополучном сражении, из-за которого сейчас в окрестностях Энсенадо наблюдалось адское столпотворение.

– Подумать только! – удивленно покачал я головой, выслушав рассказ новых знакомых об Акутельской битве. – Аркебузы еще как-то можно принять, но эльфы и пушки – это действительно нечто небывалое.

– И заметьте, Кристиан, это не сулит нам ничего хорошего, нужно срочно перестраивать мышление, – поддержал де Сен-Мар. – Ладно еще Рауль, он впервые имел дело с остроухими, а вот меня такие сюрпризы едва не выбили из колеи. Что уж говорить о северных баронах... Не описать словами степень их обескураженности. Впрочем, поделом этим болванам, они ведь даже единого военачальника выбрать не сподобились. Думали, и так эльфов шапками закидаем да потом еще добром их поживимся, когда обоз захватим. А пришлось бежать оттуда так, что только пятки сверкали! Право, я жалею, что откликнулся на призыв этих идиотов!

– Дядя скромничает, – отчаянно краснея, вмешался в разговор виконт. – Вот уж кто ни на мгновение не растерялся и не потерял самообладания! Если бы не его решительность и хладнокровие, армия вовсе не смогла бы отступить, а уж я точно остался бы лежать на поле боя.

– Главное, Рауль, чтобы ты сделал правильные выводы из произошедшего, – граф ласково взъерошил племяннику волосы на голове. – Для того мы и

ввязались в эту авантюру, чтобы ты опыта набирался под моим присмотром. Правда, не думал я, что так опасно выйдет, давненько Анкилон нам такой трепки не устраивал. Впредь будем осмотрительнее. Пожалуй, лучше тебя все-таки пристроить в регулярную армию, там такого бардака не будет. А вы как думаете, де Бранди? По вам видно, что вы человек военный, армейскую науку знаете не понаслышке.

– Аларкосский пехотный полк, – охотно откликнулся я, поскольку собеседники мне откровенно нравились, да и не было ничего в моем прошлом такого, что бы мне следовало скрывать. – Я начинал совсем еще мальчишкой, с денщиков. Состоял при сержанте Васко Ньето, а в шестнадцать меня зачислили в солдаты официально.

– Вот, Рауль, – с воодушевлением воскликнул де Сен-Мар, – вот путь настоящего воина, а не придворного шаркуна! Вот с кого нужно брать пример! Безумно жаль, что вы больше не служите в армии, де Бранди, я без колебаний просил бы вас стать наставником для этого юноши!

– Право, граф, не очень-то я гожусь, чтобы в пример меня ставить. Хотя, не стану скрывать, к своим двадцати пяти годам повидать мне удалось немало. Но случилось это не в силу авантюрного склада ума или непреодолимого желания стать военным, а исключительно из-за печальных жизненных обстоятельств. Я слишком рано осиротел, а родственникам лишний нахлебник настолько стал поперек горла, что мне проще было сбежать из дому, чем терпеть их так называемую любовь. Так что я стал таким, какой есть, исключительно поневоле.

– Что ж, Кристиан, – де Сен-Мар протянул мне над столом руку, которую я с удовольствием пожал, – сожалею о безвременной кончине ваших родителей, но уважения к вам из-за этой печальной истории у меня несколько не убавилось. Даже наоборот. Все мы ходим под богом, и если уж он послал вам такие испытания, значит, вы нужны ему для чего-то серьезного.

– Знать бы еще, для чего, – со вздохом произнес я и осекся на полуслове, увидев вошедшего в трактирный зал ла Вивьера. – Проклятье!

Черт! Черт! Черт! Я ведь был уверен, что оторвался от них! Или это случайность, и появление здесь человека де Бернье никак со мной не связано? Бывают ли такие совпадения? Очень сомнительно.

Наемник неспешно прошел через зал к стойке, переговорил о чем-то с хозяйничающим там рыжим веснушчатый мужичком, затем развернулся, попутно окинув посетителей мимолетным взглядом, и все так же неторопливо прошел к выходу. Я в это время припал губами к кружке с вином, стараясь как можно больше прикрыть ею лицо, и осторожно наблюдал за ла Вивьером из-под полуприкрытых ресниц.

Ни один мускул не дрогнул на его лице, ни на мгновение не вспыхнули в его глазах искорки торжества или удивления, ничем он не дал понять, что увидел и узнал меня. Тем не менее это было так – и увидел, и узнал. Я знал это точно. И ла Вивьер знал, что я это знаю. Такая вот у нас с ним сложилась интуитивная ситуация. Хотел бы я ошибаться, да надеяться на такое везение сейчас было бы чересчур наивно с моей стороны.

– Что с вами, де Бранди? – спросил де Сен-Мар, с удивлением глядя на происходящие со мной метаморфозы. – Этот господин вам знаком?

– К сожалению, да, граф, знаком. Но не извольте беспокоиться, ничего страшного не произошло. Просто, к моему большому сожалению, я вынужден покинуть вас. Премного благодарен за хорошую компанию и место за вашим столом! – Как ни нравилась мне компания де Сен-Мара и де Людоня, но я поспешил откланяться. Впутывать новых знакомых в свои неприятности я не собирался.

– Но... – виконт собирался что-то сказать, однако был бесцеремонно перебит своим дядей.

– Удачи вам, сеньор де Бранди! – с чувством произнес граф. – И помните: в наших владениях вам всегда будут рады!

– Благодарю вас, сеньоры! – Я обменялся с сотрапезниками вежливыми кивками и направился к выходу.

Не познакомься я с этими достойными людьми, попробовал бы сейчас выскользнуть через черный ход. Поскольку мои противники точно будут иметь численное преимущество, то честь моя от такой маленькой хитрости нисколько бы не пострадала. Но вот искать обходные пути на глазах у тех, кто только что так уважительно обо мне отзывался, категорически не хотелось. Да и вряд ли ла

Вивьер оставит другие выходы из здания не прикрытыми, если уж он прибыл сюда не один.

Безопаснее всего было бы остаться в трактирном зале – тут на меня точно не нападут. Но ведь отсиживаться здесь до бесконечности тоже невозможно. Ребята из Ожерского легиона тоже не дураки: либо спровоцируют меня выйти на улицу, либо натравят стражников, чтобы те выволокли меня.

Увы, особого выбора нет, Крис Смычок, не нужно было быть таким беспечным! Можно ведь было купить еду и пообедать где-нибудь в поле!

Смычок. Забавное прозвище, приклеившееся ко мне в пятнадцатилетнем возрасте. Из-за него незнакомые люди часто поначалу считают меня музыкантом, а виной всему банальная солдатская пьянка, состоявшаяся в припортовой пивной в Порто-Рохо после возвращения Аларкосского полка из очередной заморской экспедиции.

Скрипка – редкая гостья в южных провинциях Нугулема, а солдаты в большинстве своем – простые парни, не отягощенные лишними знаниями. Их кругозор обычно невелик и включает в себя оружие, деньги и женщин, все остальное – ненужные излишества.

В тот вечер приезжий музыкант развлекал отдохавших вояк игрой на скрипке, и капрал Гонсалес восхищался, как лихо тот орудует палкой. Я возьми да и поправь, мол, не палка это, а смычок. Я-то скрипачей еще в детстве насмотрелся. Почему-то моя реплика вызвала среди разгоряченных обильной выпивкой солдат взрыв дикого хохота. И весь оставшийся вечер они наперебой хлопали меня по плечу и, как заклинание, повторяли приведшее их в восторг новое слово: смычок!

Позже я понял, что, если бы не реагировал нервно на прозвище с самого начала, вряд ли оно бы ко мне приклеилось. Но тогда я был слишком юн и неопытен, потому получилось так, как получилось. Примерно через год сержант Ньето сказал мне, что такое прозвище будет вводить моих противников в заблуждение. А коли уж ты сумел ввести противника в заблуждение, считай, один шаг к победе уже сделал. И я смирился. Тем более что среди моих сверстников – денщиков-мочилеро сплошь и рядом встречались прозвища гораздо обиднее моего.

Сержант оказался прав. Не один раз, выходя на поединок с «каким-то там Смычком», мои противники становились жертвами своей несобранности: шпагой я владел весьма прилично и не имел обыкновения проявлять снисхождение к оппонентам. Жаль, что сейчас мое прозвище никак мне не поможет: люди де Бернье хорошо знают мои возможности.

Выйдя на крыльцо, я сразу сделал шаг вправо, прикрыв себе спину стеной здания. От этих ребят можно ждать и ножа под ребра, так что лучше подстраховаться.

Народу во дворе было много, но интересующие меня персонажи резко выделялись на общем фоне своей сосредоточенностью. Здесь было семеро, но в следующий момент из-за угла здания появился ла Вивьер и, увидев меня, обернулся, чтобы подать кому-то условный знак. Скорее всего, здесь в наличии полный десяток. Плохо, практически без шансов.

– Здравствуй, Смычок! – радостно осклабился командир наемников. – Ты не представляешь, как же я рад тебя видеть!

– Не могу ответить тебе тем же, ла Вивьер, – осторожно ответил я, наводя ствол пистолета на решившего было быстро приблизиться ко мне легионера. – Не стоит спешить, сеньоры, стреляю я без промаха!

– Крис, не кипятись, не усугубляй свое положение, – вполне миролюбиво посоветовал ла Вивьер. – Ты ведь понимаешь, что шансов нет. Письма при тебе?

– Какие письма? – Этот вопрос прозвучал для меня столь неожиданно, что мне даже не пришлось изображать искреннее удивление.

– Письма, – любезно уточнил ла Вивьер, – которые кантадерский вор по прозвищу Бельчонок должен был принести моему хозяину. Видишь ли, Смычок, командор всегда получает то, что ему нужно, так что не испытывай судьбу, давай их сюда!

– Не знаю ни про какие письма! – я решил сменить скользкую тему, поскольку по-прежнему не понимал, ни чем эта переписка могла заинтересовать де Бернье, ни чем мне грозит обладание или не обладание этой самой перепиской. – Знаю только, что вы убили моего друга и его жену!

– Он не сдержал слово! Нарушил договор и пытался обмануть графа де Бернье! – наемник укоризненно покачал головой. – Так дела не делаются!

– Не рассказывай мне сказки, ла Вивьер! – мрачно усмехнулся я, не забывая за разговорами внимательно следить за обстановкой. – Мы еще были в «Каштане», когда ваши люди уже сидели у Бельчонка дома!

– Ну так должны же мы были подстраховаться, – подручный де Бернье самодовольно ухмыльнулся, но уже в следующее мгновение ему стало не до ухмылок: – Стой на месте! Стоять!

Взятый мной на прицел наемник снова дернулся, и я спустил курок. Тот бросился в сторону, но со мной такие трюки не проходят: нажав на спусковой крючок, я сопроводил стволом его движение. В результате бедняге не удалось использовать секундную задержку между поджигом пороха на пороховой полке и выстрелом, пуля догнала его и опрокинула наземь.

Сразу вслед за этим я перемахнул через перила, бросил разряженный пистолет в голову следующего бойца Ожерского легиона, заставив того уворачиваться. Выстрелом из второго пистолета удалось ранить в плечо еще одного противника, затем пришло время шпаги.

Парировав разряженным пистолетом выпад блондина с пышными усами, я рванул свой клинок из ножен, попытавшись сразу достать невозмутимое лицо противника. Не вышло, наемник своевременно отступил, и моя шпага рассекла воздух прямо перед его носом. Что ж, значит, не судьба – бегать за ним по всему двору у меня точно нет времени.

Быстро сместившись вправо, я оказался лицом к лицу с невысоким легионером плотного телосложения с лицом, обильно заросшим густым черным волосом. Между мной и конюшней теперь был только он один.

Я сделал обманное движение, противник отреагировал и в следующее мгновение получил укол в правую ключицу. Выронив оружие, он свалился на землю и очень быстро откатился в сторону, спеша убраться за пределы досягаемости моего клинка. А мне только того и нужно было – я что есть духу припустил к распахнутым воротам конюшни.

Расчет был предельно прост: чья-нибудь лошадь непременно должна оказаться оседланной, и у меня появится шанс вырваться с постоянного двора. Как уж будет дальше, одному богу ведомо, так далеко просчитать ситуацию я не в моих силах.

Однако здесь меня постигло горькое разочарование: из конюшни мне навстречу вышли еще двое легионеров с обнаженными шпагами в руках. Проклятье! Быстро разделаться с ними не получится, а любая заминка сейчас для меня смерти подобна, так как преследователи отстают всего на десяток шагов. Что делать?

Знать бы заранее про этих двоих, прорывался бы в другую сторону. К забору, за которым поле и лес. Скорее всего, не успел бы до леса добежать – на лошадях бы догнали или подстрелили по дороге. Но этого я уже не узнаю, сейчас единственное, что мне остается, – это отыграть себе позицию с прикрытой спиной.

Продолжив движение, я с ходу атаковал преградившую мне путь пару. Сначала оба попятнулись, уйдя в защиту, но быстро сами перешли в контратаку. Сбив в сторону шпагу одного наемника, я отбил пистолетом клинок второго, нацелился на укол в выставленное вперед бедро первого, но чуть не дотянулся и лишь прорезал ткань. Тут же широким рубящим движением заставил отпрянуть назад его товарища и, пользуясь секундным замешательством, отскочил к стене конюшни, быстро развернулся и прижался к ней спиной.

И тут случилось то, чего я никак не ожидал. У входа в трактир раздалось сразу несколько выстрелов, заставивших моих неприятелей остановиться. Нахмутив брови, с крыльца спускался граф де Сен-Мар. В обеих руках он держал по пистолету с еще дымящимися стволами, за ним по пятам следовали молодой де Людонь и полтора десятка солдат.

– Извольте оставить моего друга в покое! – громко заявил граф, убирая пистолеты. – Клянусь честью, солдаты кастельонского гарнизона не допустят беззакония на земле Нугулема!

– Сеньоры! Возникло недопонимание! – надо отдать должное ла Вивьеру, самообладание его не покинуло. – Мы сами солдаты и выполняем здесь приказ своего командира о поимке опасного преступника! Этот порядочный с виду сеньор в Кантадере убил семерых человек и поджег дом!

– Я не расслышал: к какому полку принадлежат эти славные сеньоры? – хриплым голосом поинтересовался солдат с аккуратной бородкой клинышком и сержантским значком на шляпе.

– К Ожерскому легиону они принадлежат, все как один, – усмехнувшись, ответил я.

Вопрос не был праздным и задавался опытным воякой не просто так. Бывших солдат среди наемников было немало, но вот конкретно с бандой графа де Бернье, официально именуемой Ожерским легионом, у регулярных полков были сильно натянутые отношения.

– Ага! – удовлетворенно изрек сержант, в то время как остальные солдаты растянулись полукругом за спинами наемников. – Бьюсь об заклад, что любой из них в какой-нибудь провинции да находится в розыске! У них на лицах написано, что висельники!

– Не заговаривайся, сержант! – угрюмо предупредил чернявый наемник с холодным взглядом и хищным выражением лица.

Я мог ошибаться, но выглядел он самым опасным из всех бойцов, пришедших с ла Вивьером.

– А то что? – пристально глядя на него, поинтересовался сержант.

– Сеньоры, предлагаю вам покинуть постоялый двор и отправиться туда, откуда пришли. Так будет лучше для всех! – вмешался де Сен-Мар.

Ну, не знаю. Лично для меня было бы лучше, чтобы легионеры ввязались в драку с солдатами. Тогда никто из них гарантированно не сумел бы продолжить погоню за мной. А так ничто не мешает им обойти «Окорок» по полям и снова сесть мне на хвост. Так что – нет, я за драку! Вот только озвучить свое желание не могу – проклятая дворянская гордость не позволяет сделать это, да еще в присутствии графа де Сен-Мара и юного виконта де Людоня.

– Есть другое предложение, сеньоры! – Ла Вивьер растянул губы в такой дружелюбной улыбке, что мне сразу стало как-то неуютно. – Я предлагаю

решить спор в честном поединке.

– Мы только что наблюдали честный в вашем понимании поединок... – Сержант красноречиво сплюнул себе под ноги. – Десять на одного, не так ли?

– Один на один, сеньоры, один на один. Сеньор де Бранди против нашего дуэлянта.

Теперь-то я точно не смогу отказаться, такого не поймут не только граф со своим воспитанником, но и так кстати оказавшиеся здесь солдаты. Ладно, не так страшна сама дуэль, как ее условия. Что-то с трудом верится, что все будет так уж просто.

– Друг мой, мне кажется, вы колеблетесь, – подойдя ко мне вплотную, тихонько поинтересовался де Сен-Мар. – В чем сомнения?

– Не люблю целиком полагаться на судьбу, граф, – ответил я, – и мне не нравятся любые предложения, если они исходят от таких прожженных мерзавцев, как ла Вивьер.

– Опасно связываться с Ожерским легионом. Что произошло?

– Они убили моих друзей. Я убил их людей. Думал, они еще пару дней будут искать меня в Кантадере, и никак не ждал их сегодня увидеть здесь.

– В моем обществе они не посмеют напасть на вас, – начал было граф, но я лишь покачал головой в ответ, и он осекся на полуслове.

– Посреди бела дня да в большом городе – да, возможно. Но не больше. Де Бернье умеет добиваться поставленных целей. К тому же я не могу позволить, чтобы вы с племянником рисковали жизнями из-за меня. Вы и так уже много сделали.

Де Сен-Мар нахмурился – как видно, ему сильно не нравилась мысль, что какие-то там наемники способны проигнорировать его происхождение и положение в обществе. Но спорить с очевидными фактами тоже было глупо, потому граф поспешил сменить тему.

– Тогда позвольте быть вашим секундантом, а я постараюсь выторговать нужные вам условия.

– Вы оказываете мне честь, граф! А если еще добьетесь, чтобы эти молодчики в случае моей победы убралась в Кантадер, то я и вовсе буду в неоплатном долгу перед вами.

– Полноте, де Бранди, благородные люди должны помогать друг другу, – отмахнулся де Сен-Мар. – Однако позвольте заметить, что с таким условием сеньоры, во-первых, могут не согласиться. А во-вторых, мы никак не сможем проконтролировать его выполнение.

Замечание было не лишено здравого смысла. Вряд ли солдаты горят желанием сопровождать наемников до Кантадера, где те смогут получить весомую поддержку. Потому было решено говорить о двух-трех часах задержки здесь, на постоялом дворе. Но до этого нужно было еще сделать самую малость – победить вражеского дуэлянта.

Глава 7

– Командор?

Войдя в комнату командующего Ожерским легионом, капитан де Монтегю выдержал длинную паузу, прежде чем побеспокоить графа. Тот сидел за столом, сцепив руки в замок, и молчал, глядя прямо на вошедшего, но, судя по всему, не замечал его. Ни один мускул не дрогнул на лице де Бернье, однако, услышав вопрос своего подручного, он поднялся на ноги и, скрестив руки на груди, медленно прошелся по скрипящим под его весом половицам к окну и обратно. Только после этого командир наемников поднял глаза на капитана и задумчиво произнес:

– У меня только что был алькальд Кантадера.

– У нас проблемы? – осторожно поинтересовался де Монтегю.

– У нас проблемы возникают всякий раз, когда мы связываемся с ворами, – усмехнулся граф. – Это уже становится традицией.

Де Монтегю решил было, что сейчас последуют обвинения в его адрес, ведь в обеих известных ему историях с ворами именно он отвечал за наем криминальных элементов. Впрочем, он оба раза ратовал за честные отношения, но командир старательно подчищал хвосты, не оставляя представителям криминального мира шанса на жизнь. И отметал все доводы типа «в следующий раз не найдем исполнителей» своей уверенностью в том, что воры всегда будут и что за деньги они возьмутся украсть что угодно. Но нет, сегодня обошлось без обычных для де Бернье саркастических замечаний.

– Сеньор де Стефано интересовался причинами столь необычной активности легиона в его городе, – мрачно изрек командир наемников, – и наше стандартное объяснение о наборе рекрутов его не сильно устроило. Также он знает, что наши люди охотились на вора и понесли при этом серьезные потери.

– Серьезные потери! – При упоминании о том вечере капитан заскрипел зубами. – Этот Смычок ответит мне за каждого погибшего и раненого легионера! Я из него по капле кровь сцежу!

– Для начала поймай его! – холодно оборвал де Бернье. – И добудь мне недостающие письма! Будут письма – будут благодарность и поддержка принца Роберта, не будет – он и пальцем не пошевелит, чтобы защитить нас от де Сальвери. А маркиз – человек очень влиятельный, способный стереть в порошок весь наш легион.

– А какие у маркиза могут быть претензии к нам? – искренне удивился де Монтегю.

– Если де Стефано связал нашу суету в Кантадере с пропажей бумаг маркиза и убийством его секретаря в паре километрах от города, то почему бы де Сальвери не сделать того же?

– Это недоказуемо, – уверенно заявил капитан, – все ниточки оборваны.

– Скажи мне, пожалуйста, тебе нужны доказательства, что именно Смычок убил наших людей? – с тяжелым вздохом поинтересовался де Бернье.

- Так чего тут доказывать... - начал было де Монтегю и тут же осекся.

- Вот и маркизу, уж поверь мне, будет достаточно одной лишь уверенности в том, что мы причастны к его проблемам.

Несколько минут главари наемников молчали, обдумывая сложившуюся ситуацию.

- Что же вы сказали алькальду? - прервал паузу капитан.

- Что наши люди чего-то не поделили с ворами, и дело дошло до поножовщины, - пожал плечами де Бернье. - Что я мог еще сказать?

- Поверил?

- Сделал вид, не более того.

- М-да, дела, - протянул капитан. - Нужно искать письма.

- Скажи, де Монтегю, зачем твои идиоты сожгли дом вора? - поинтересовался командующий легионом. У него частенько легионеры назывались чьими-то, если совершали какую-то глупость, поэтому капитан просто пропустил эту колкость мимо ушей, принял как само собой разумеющееся. - То, что они не нашли там писем, еще не означает, что писем там не было. Мы бы могли разобрать этот дом до основания, если бы все прошло тихо. А пожар привлек слишком много внимания.

- Нет, командир, - уверенно ответил де Монтегю, - посланные туда люди знали толк в обысках. И если они там ничего не нашли, значит, там ничего не было. Другое дело, что письма оттуда мог забрать Смычок. Может, он туда специально за тем наведалься? Да и пожар мог он устроить.

- Слишком много предположений, де Монтегю! Слишком много! - Де Бернье еще раз прошелся по комнате, затем вернулся за стол, водрузил на столешницу локти, примостил на сцепленные в замок руки волевой подбородок и уставился на подчиненного мрачным взглядом.

– Как только поймает Смывка, все встанет на свои места, – осторожно возразил де Монтегю.

– Его нет в Кантадере! – вдруг уверенно заявил командующий. – Так что хватит маячить в городе, не будем лишним раз нервировать алькальда. Направить все силы на прочесывание близлежащих дорог. Он знает, с кем связался, следовательно, постарается уйти за границу.

– К эльфам он не пойдет, значит, двинется в сторону Эскарона, – подхватил капитан. – Тем более есть сведения, что у него там много друзей.

– Прочесать все дороги, особенно в восточном направлении, – продолжал отдавать распоряжения граф, – обшарить все трактиры и постоянные дворы. Где-то он должен оставить следы.

– Уже делается, командир, – улыбнулся де Монтегю. – Пока результата нет, но если выводим людей из города, то на дорогах дело пойдет значительно быстрее.

– И вот еще что, – граф де Бернье и не думал хвалить капитана за предусмотрительность, не в его это были правила, – подкиньте страже информацию, что и пожар, и куча трупов – дело рук Смывка. Пусть его в розыск объявят.

– Сделаем, командир, все будет в лучшем виде!

Глава 8

Моим противником стал Эрнан де Рамирес по прозвищу Грач, тот самый чернявый наемник с холодным взглядом и хищным выражением лица, которого я ранее определил как самого опасного из настигшего меня отряда наемников графа де Бернье. Сам ла Вивьер решил не рисковать здоровьем и репутацией среди своих людей. Стремиться обязательно убить этого самого Рамиреса я не буду, а вот с его командиром провернул бы дельце с мрачным удовлетворением. Сейчас мне казалось, что за жестокие убийства Бельчонка и Эстелы я должен уничтожить как можно больше значимых для де Бернье людей. Грач был всего

лишь рядовым бойцом, а вот ла Вивьер числился в легионе лейтенантом, замещал де Монтегю в его отсутствие и входил в круг доверенных лиц командора. Потерю такого офицера де Бернье ощутил бы, потерю же де Рамиреса даже не заметит.

– Ну что, Смычок, поиграем на скрипке? – холодно усмехнулся дуэлянт.

– Давай, Грач, сыграй ему похоронную! – рассмеялся один из наемников, но, наткнувшись на тяжелый взгляд графа де Сен-Мара, тут же умолк.

Сколько я уже таких шуточек наслушался! А уж сколько шутников потом жалели о своих словах... Ладно, сейчас поглядим, чего этот Рамирес стоит.

Кстати, знавал я одного де Рамиреса в Монтере во времена службы в Патруле. Правда, недолго: он погиб от рук бандитов во время самой крупной стычки с ними. Но вряд ли этот родственником ему приходится, в Нугулеме Рамиресов чуть не по сотне на каждую провинцию.

Вскоре выяснилось, что и фехтует этот Рамирес похуже однофамильца. Много суетится и вкладывает в каждое движение больше сил, чем того требует ситуация. Зато не забывает сверлить меня при этом свирепым взглядом.

Начали мы с того, что Грач сделал попытку проткнуть меня насквозь в первой же сшибке. Я парировал с отходом назад и чуть остудил его пыл угрозой получить укол прямо в лицо. Далее противник вознамерился выбить шпагу из моей руки. Само собой, безрезультатно. Потом Рамирес выдал неплохой отрезок, проведя несколько атак средней сложности и взяв пару защит. Но при этом он по-прежнему вкладывал в свои удары и парирования слишком много энергии, отчего многие его действия выходили более амплитудными, чем полагалось.

Отражая одну из таких атак, я уклонился назад, пропуская чужой клинок мимо себя, тут же добавил ему скорости хлестким ударом справа налево и, сделав полукруговое движение запястьем, нанес укол в правое плечо.

– Туше! – воскликнул виконт де Людонь.

– Царапина! – поспешил всех успокоить Грач.

Зрители, которых собралось на постоялом дворе великое множество, возбужденно загалдели. Кто-то переживал за меня или за де Рамиреса, кто-то возбудился от вида крови, а кто-то просто радовался бесплатному развлечению: не каждый же день выпадает возможность поглазеть на целое представление, где дворяне изо всех сил стараются выпустить друг дружке кишки.

Как бы ни хорохорился наемник, стараясь приуменьшить серьезность ранения, но все же было заметно, что оно доставляет ему проблемы. Рукав сорочки стал набухать от крови, а движения правой руки стали более экономными. Тем не менее прекращать поединок ставленник ла Вивьера не собирался. По всему выходило, что он посчитал пропущенный укол не более чем досадным недоразумением и потому, сжав зубы в попытке заглушить болевые ощущения, снова перешел в наступление. А поскольку я в ответ на это лишь пассивно защищался, постоянно уходя в сторону, то увлекшийся противник не сразу понял, что мои маневры имеют вполне определенную цель – развернуть его лицом к солнцу.

Когда же Рамиресу пришлось щурить глаза, защищаясь от прямых солнечных лучей, я стремительно контратаковал. Укол в голову он сумел предотвратить, но резаной раны на правом предплечье избежать не смог, и шпага только каким-то чудом не вывалилась из его руки.

Зашипев от боли, наемник отскочил назад, спеша разорвать дистанцию. Фехтовать правой рукой он больше не мог, но, мельком глянув на своего командира и не уловив по выражению его лица разрешения сдаться, перехватил оружие в левую руку и снова встал в позицию.

– Ла Вивьер! – громко, чтобы услышал каждый зритель, крикнул я. – Не прячься за спинами подчиненных, дерись сам!

Физиономия лейтенанта Ожерского легиона окаменела, а глаза почернели от злости, но он, к моему большому сожалению, не поддался на провокацию. Вместо этого в атаку снова пошел де Рамирес.

Впрочем, левой он фехтовал заметно хуже правой, потому никаких проблем мне доставить не смог. Парировав три пустяковые атаки, я без особых усилий оставил Грачу царапину на левой стороне груди, после чего нанес укол в оставленное без прикрытия бедро.

- Туше! – радостно воскликнули переживающие за меня зрители.

Эрнан де Рамирес сделал два торопливых шага назад, после чего вынужден был опуститься на одно колено и зажать рану на бедре рукой.

- Проклятье! – сдавленно выругался он, сверля меня ненавидящим взглядом.

- Вашу шпагу, сеньор!

- Я убью тебя! – бессильно кривя рот, заявил наемник.

- Шпагу! – повторил я более серьезным тоном, для верности нацелив свое оружие в грудь поверженному противнику.

Это возымело действие: его шпага, со звоном ударившись эфесом о камень, приземлилась у моих ног.

- Сеньор де Рамирес, вы сражались честно, пусть ваш клинок останется при вас.

Можно было еще добавить пожелание научиться лучше пользоваться этим самым клинком, но я не стал дополнительно унижать проигравшего, не в моих это правилах. Так что я просто толкнул ногой шпагу обратно в сторону наемника.

- Ну что, ла Вивьер? – громко поинтересовался я, вновь предлагая лейтенанту занять освободившееся место поединщика.

Но тот вновь проигнорировал мое предложение. Не входило в его планы сегодня подвергать свою жизнь опасности.

- Сделка заключена, де Бранди, у тебя три часа, – мрачно ответил лейтенант легионеров. – Время пошло.

Что ж, графу де Сен-Мару действительно удалось выторговать трехчасовую временную фору, в продолжение которой наемники будут обязаны в полном составе просидеть в трактире под присмотром солдат. А чтобы последним было не в тягость незапланированное трехчасовое сидение, я снабдил бравого

сержанта целым реалом. Для хороших людей не жалко.

– Отличная работа, де Бранди! – Де Сен-Мар довольно хлопнул меня по плечу, в то время как виконт просто смотрел на меня восторженными глазами. – Кому-то может показаться, что все произошло случайно, но я-то кое-что понимаю в фехтовании. Потому повторяюсь: прекрасная работа!

– Благодарю вас, граф, – искренне ответил я и, вспомнив одну деталь из прочитанных писем неизвестной влюбленной пары, поинтересовался: – Скажите, вы случайно не припомните, кому из нугулемской знати принадлежит замок Лиарре?

– Лиарре? Маркизу де Сальвери! – практически без раздумий ответил де Сен-Мар. – Если вы едете туда, то вам нужно на юг!

– Нет-нет, это я так, вспомнил кое-что, – поспешил я замять вопрос. – Еще раз благодарю вас, граф, и вас, виконт!

И, вежливо раскланявшись с де Сен-Маром и де Людонем, я поспешил вскочить в седло и покинуть постоянный двор. Время было дорого. По крайней мере, я так думал.

Времени у меня оказалось достаточно для того, чтобы свернуть на ведущую мимо города дорогу и понять причину как спокойствия, с которым ла Вивьер пошел на сделку со мной, так и смирения, с которым он воспринял свое поражение. Дело было просто в еще одном отряде наемников в окрестностях Энсенадо, и, готов биться об заклад, лейтенант Ожерского легиона успел послать гонца к соратникам еще до начала заварушки на постоялом дворе.

Ловок, мерзавец, ничего не скажешь! И претензии не предъявишь, поскольку сделка не распространяется на легионеров, не присутствовавших при ее заключении.

Единственное, чего ла Вивьер не мог рассчитать, так это точного времени прибытия второго отряда к «Окороку». Вот меня и спасло то, что я увидел движущийся мне навстречу отряд, едва я миновал поворот в сторону города. Ошибки быть не могло: как минимум половина отряда была одета в голубые форменные плащи с черным орлом на груди, так что эти господа точно спешили

по мою душу.

Развернув коня, я во весь опор помчался к въезду в город. Оpoznать меня с такого расстояния вряд ли было возможно, но в том, что мой маневр привлечет внимание всадников, сомневаться не приходилось. Что ж, придется менять планы.

Примчавшись в Энсенадо, я у первого попавшегося на пути лошадника сбыв по дешевке коня и порасспросил о сдающих жилье горожанам. Мол, хочу комнату снять на большой срок, но не в гостинице, а в частном секторе. Получив пару адресов, я тут же выкинул их из головы и, окольными путями обходя как всегда заполненную людьми рыночную площадь, поспешил к северному выходу из города.

Дело в том, что сам Энсенадо стоял не на реке, но в паре километров к северу от него протекала Тахеда, не очень большая, но вполне себе судоходная речка. И движение по ней было довольно оживленным, что вполне позволяло надеяться быстро найти место на небольшом судне или грузовой барже. Если мои преследователи не бросятся к причалу сразу, то к тому моменту, когда разберутся, я уже буду на два десятка километров восточнее города, где-то в окрестностях Уэски. Но был в таком решении и изрядный риск: если они выйдут на мой след быстро, то настигнут меня прямо на воде, где прятаться особо будет некуда.

Бегом преодолев открытое пространство, пока еще отделяющее городские окраины от речного порта, я оглянулся. Погони на горизонте не наблюдалось. Да оно и неудивительно: войдя в город, наемники кинутся расспрашивать обо мне, наткнутся на лошадника, потом проверят сообщенные им мне адреса квартирных хозяек и только потом станут думать, куда я мог исчезнуть.

На причале мне без труда удалось договориться с хозяином первого же попавшегося на глаза судна, собиравшегося уходить вниз по течению. За пару медяков я получил место на палубе небольшого кораблика, имевшего и парус, и весельную команду. Удобства отсутствовали как таковые, но мне они и не требовались, вполне хватало небольшого закутка на корме, за целой горой бочек с солониной, отправлявшихся из северных баронств в центральную часть страны.

Судно отчалило буквально через несколько минут, и все время, пока причалы и дорога из города были видны, я продолжал с тревогой следить за происходящим. Но никакого переполоха не случилось, всадники в заметных плащах на пристани так и не появились.

– Посмотреть бы на лицо ла Вивьера! – довольно пробормотал я себе под нос, устраиваясь поудобнее на палубе.

День стремительно клонился к вечеру, а это означало, что вскоре людям де Бернье придется прекратить поиски из-за темноты. Нет, они, конечно, могут разбиться на смены и проверять все постоянные дворы вдоль дороги, но для этого им нужно больше людей. В общем, как ни крути, но к утру я оторвусь от преследователей на приличное расстояние, а значит, можно вздохнуть свободно.

Но не так все было просто, и в расслабленном состоянии пребывать мне пришлось совсем недолго. Оказалось, что судоходство на Тахеде по ночам останавливается, поскольку она чересчур узка и извилиста для безопасного плавания в условиях плохой видимости. Так что мы встали на якорь у какого-то хутора, состоящего из трех-четырёх домиков, отойдя от Энсенадо всего километров на десять. На мои расспросы капитан только развел руками: мол, слишком велик риск в темноте разбить судно или посадить его на мель.

Конечно, можно было поскандалить, размахивая шпагой, потребовать продолжить движение или вернуть деньги, но зачем нагнетать страсти? Разве ж люди виноваты, что я не удосужился узнать заранее об особенностях судоходства на Тахеде в ночное время? Да и незачем сейчас мне привлекать дополнительное внимание к своей персоне. Чем незаметнее, тем лучше.

Ночной простой не входил в мои планы, ведь тем и хорош речной транспорт, что можно продолжать движение даже во время сна. А так – считай то же самое, что я залег бы на дно где-нибудь в окрестностях Энсенадо. Того и гляди проснешься утром, а весь берег усеян легионерами с улыбающимся ла Вивьером во главе.

Надо что-то делать. Но что? Что можно сделать, находясь посреди реки? Я тяжело вздохнул и обратил свой взор на левый берег. Хутор на правом берегу слишком мал, вряд ли я там смогу раздобыть хоть какого-то коня, чтобы убраться подальше от места поисков. А вот на левом берегу, на некотором

отдалении от реки, виднелись огни достаточно большой деревни. Да, там – пограничье. Совсем узкая полоска нугулемской земли, соседствующая теперь с разошедшимися не на шутку эльфами. В этом заключается опасность левобережной территории, но в этом же кроется и шанс на спасение. Какими бы бесшабашными сорвиголовами ни были наемники Ожерского легиона, влезать на территорию, где можно быть атакованными эльфами, они вряд ли захотят. Да и северные бароны очень не любят самоуправства посторонних на своих землях. Так что путь мне лежит на ту сторону, а там уж как повезет.

Аккуратно уложив сапоги, пистолеты и верхнюю одежду в кожаную суму, я взял в зубы шпагу и осторожно опустил в воду. Не буду прощаться с хозяевами кораблика, бог даст, они вообще не заметят моего исчезновения до утра.

Ох и долгий же выдался у меня сегодня денек! Давненько я так не уставал. Вот, для полноты ощущений, еще купание в холодных водах Тахеды мне выпало.

Добравшись до деревни, я не стал мудрствовать лукаво и просто залез в первый попавшийся на пути сеновал. Сойдет сегодня мне за постель, я не гордый.

Глава 9

Разбудил меня доносившийся с улицы шум. Какое-то время утомленный разум отказывался верить в то, что это может иметь ко мне хотя бы малейшее отношение, но потом чувство опасности взяло свое и заставило-таки уделить происходящему должное внимание. На улице еще было темно, а одежда на мне не успела толком высохнуть после вынужденного купания в реке, из чего следовал прискорбный факт: поспать на деревенском сеновале мне удалось не более двух часов.

Неужели люди ла Вивьера снова взяли мой след? Неужели ночью разыскали именно то судно, на котором я ушел вниз по реке, и обнаружили облюбованное мною для ночлега место? Но стали бы наемники так шуметь? Хотя земли здесь приграничные, значит, всегда есть возможность списать свои бесчинства или на промышляющих в этих местах разбойников, или на недружественные действия северных соседей. Тем более в свете активизации боевых действий между местными сеньорами и эльфийскими танами. Поступил бы я подобным образом,

будучи на месте людей графа де Бернье? Нет, конечно, но сейчас речь идет не о том, как поступил бы я, а о том, что мне делать.

Откопавшись из сена, я несколько минут встревоженно прислушивался к происходящему, пытаюсь определить направление и степень надвигающейся опасности. Все было плохо, и с каждым мгновением ситуация рисовалась мне во все более мрачных тонах.

По единственной улице деревеньки носились всадники с факелами, заливались истеричным лаем собаки, хлопали двери и оконные ставни, то тут то там кричали люди. На западной окраине в ночное небо взметнулось зарево пожара. Если это дело рук людей ла Вивьера, то графу де Бернье пора списывать своего подручного со счетов. Или же я ничего не понимаю в этой жизни.

Так. Если в деревне загорелось одно подворье, то велика вероятность, что по итогу сгорит все селение. Следовательно, пора уносить ноги с сеновала. Только вот куда податься? Попытать счастья, постаравшись затеряться в самом центре суматохи, или снова рвануть в сторону реки?

Мои размышления были прерваны скрипом входной двери. Из дома моих нечаянных хозяев выскользнули три темные фигуры: мужчина, женщина с младенцем на руках и девушка тринадцати-четырнадцати лет. Вся троица метнулась в сторону огорода, но попытка побега оказалась неудачной: едва миновав сеновал, глава семейства испуганно вскрикнул и тут же со сдавленным хрипом рухнул на землю. Кажется, из его горла торчала стрела. А со стороны огорода появились легкие стремительные фигуры. Эльфы...

Господи! Почему так? За что мне все эти испытания? Или это я своим вмешательством принял на себя грехи Бельчонка? Да нет, не может такого быть! Я должен был спасти друга, и я сделал это. Нет в этом греха. За что же тогда все это, да в таких количествах и сразу?

Женщины закричали, проснулся и заплакал младенец. Двое эльфов, не задерживаясь и не обращая внимания на женщин, проскочили мимо и исчезли за калиткой. Еще трое задержались на подворье, при этом один навалился на девчушку и принялся задиравать ей юбку, второй юркнул в дом, а третий, поигрывая длинной эльфийской стрелой, медленно стал теснить женщину с ребенком прямо к сеновалу.

Я тяжело вздохнул. Своя жизнь, несомненно, мне очень дорога, но позволить на своих глазах убивать беззащитных женщин и детей я тоже не мог. Потому что это неправильно.

Женщина испуганно кричала, младенец тоже голосил изо всех сил, так что беспокоиться за звук вынимаемой из ножен шпаги мне не пришлось. Увлеченный своей жестокой игрой, эльф продолжал тычками наконечника стрелы загонять жертву в угол. При этом его бледное, слегка подсвеченное лунным светом лицо оставалось абсолютно бесстрастным.

Зато как оно исказилось в следующее мгновение, когда мой клинок вонзился ему точнехонько в горло! Куда подевалась вся эльфийская бесстрастность? Удивление, страх, ненависть отразились на лице нападавшего всего за какое-то мгновение. Наблюдать за ним дальше я не стал, в следующий миг уже оказавшись за спиной у напавшего на девушку. Его жизнь оборвалась ударом стилета под левую лопатку.

В это трудно было поверить, но мое неожиданное появление на авансцене заставило женщину закричать еще громче. А вот девчушка проявила гораздо большую стойкость духа. Она только тихонько всхлипывала и размазывала по лицу слезы, когда я помог ей подняться.

- Бегите к реке! - сказал я ей. - В лодку - и на тот берег!

Девушка кивнула головой, но, развернувшись, наткнулась взглядом на убитого отца и замерла на месте.

- Ему уже не помочь! - Мои слова прозвучали жестко, но сейчас было не время для сантиментов. - Спасайтесь сами!

К счастью, мамаша к этому моменту все же перестала голосить, потому мне удалось, подталкивая крестьянок в спины, направить их в сторону реки. Я и сам собирался последовать тем же маршрутом, задержавшись лишь, чтобы подхватить со своей импровизированной постели суму и камзол, но тут в мои планы вмешался эльф, ранее зашедший в дом.

Он появился в дверях в самый неподходящий момент, и меня спасло только то, что на улице было темно, а за его спиной внутри дома уже плясали языки

пламени. В руках эльфа был лук с наложенной на тетиву стрелой, однако ему пришлось сделать еще несколько шагов в темноту, прежде чем удалось разглядеть картину произошедшего. А в следующую секунду я в выпаде пронзил его шпагой.

К большому сожалению, прежде чем умереть, эльф успел закричать на своем языке, и я счел за благо убраться от него подальше. Вернее, попытался убраться, так как на предсмертный крик соплеменника эльфы на приютившем меня крестьянском подворье стали появляться так быстро, будто до сих пор сидели за забором и ждали сигнала для выхода на сцену. Двое перемахнули через плетень от соседей, один вбежал через распахнутую калитку с улицы, еще двое появились со стороны огорода. Слава богу, последние вынырнули откуда-то сбоку, не встретившись со спасенными мною женщинами.

– Куда ж вас столько? – процедил я сквозь зубы, поднимая пистолет.

Какое счастье, что меня еще в армии приучили всегда держать оружие почищенным и снаряженным! Так что даже после вчерашнего трудного дня я не пренебрег этим правилом и, прежде чем лечь спать, почистил пистолеты, зарядил сухим порохом и завернул в кожу, чтобы порох не отсырел.

Логичнее всего было прорываться к реке, но тут меня поджидали целых четыре противника, а со стороны улицы – только один, так что пришлось сделать выбор в пользу улицы.

Грохнул пистолетный выстрел, опрокинув навзничь самого прыткого из подданных королевства Анкилон, а я бросился к калитке. Зашедший с этой стороны эльф попытался беззастенчиво зарубить меня грубым рубящим ударом. Тоже мне, горе-войка, это ж тебе не с крестьянами воевать!

Встретив его нарраш шпагой, я отвел удар в сторону и, скользнув навстречу, обратным ударом разбил противнику физиономию эфесом, после чего угостил отшатнувшегося назад лихого рубаку хорошим ударом шпаги.

– Сегды! Сегды! – заорали набегающие со стороны огорода эльфы, но я их не слушал.

Путь был свободен, и я поспешил выскользнуть на улицу. Вот только облегчения от этого не получил никакого. В планах-то было максимально быстро попасть в один из соседних дворов, чтобы через него уйти к реке. Но на деревенской улочке творился сущий ад. Пешие и конные эльфы носились во всех направлениях, преследуя кричащих и плачущих от ужаса женщин и детей. С выбежавшими на улицу мужчинами нападавшие предпочитали не церемониться: мне на глаза попались три мужичка, буквально истыканные стрелами. Несколько домов в разных частях селения пылали, выбрасывая в небеса огромные языки пламени. Нигде не было спасения и не наблюдалось ни малейшего намека на организованное сопротивление. Впрочем, чего я хочу от крестьян?

Замешкавшись на мгновение у калитки, я побежал влево, вслед за только что пронесшимся в погоне за визжащей женщиной высоким эльфом в коротком темном плаще. Женщину-то он легко догнал, со злобным хохотом ухватив жертву за волосы, но в тот же миг получил удар шпагой в спину и рухнул на землю.

– Беги! – гаркнул я, подталкивая женщину к ближайшему забору.

К сожалению, остаться незамеченным посреди столь оживленной нынешней ночью деревенской улицы было невозможно, и мне пришлось тут же отражать атаку следующего противника. Я отвел его клинок в сторону и атаковал в плечо, однако этот эльф оказался неплохим фехтовальщиком. Он своевременно отступил назад и тут же вернул свой нарраш в нужное положение. Такого парой финтов не запутать, но долгий поединок мне сейчас совсем не нужен – ко мне уже эльфы бегут со всех сторон, в том числе и те, что гнались за мной с первого подворья. Эти, кстати, что-то громко голосили на своем языке. Подозреваю, что это был краткий пересказ моих недавних подвигов.

В общем, я изобразил начало решительной атаки, взмахнул шпагой на уровне глаз ловкого эльфа и рванул в ту же сторону, куда пару мгновений назад направил спасенную мной селянку. Кстати, как раз сейчас она неуклюже перевалилась через плетень и исчезла в ближайшем дворе. Видимо, все внимание нападающих в этот момент сосредоточилось на мне, иначе ее бы без труда перехватили.

За незнакомую крестьянку я был несказанно рад, но мне самому было совсем не радостно. Проклятыми анкилонцами кишела вся улица, и каждый из них горел желанием продырявить мне шкуру. Я метался по деревне, описывая

невероятные зигзаги, резко останавливался и ускорялся, парировал на ходу тянущиеся ко мне вражеские клинки и отмахивался шпагой. Пару раз в опасной близости просвистели стрелы, но целенаправленная охота велась без массового использования лучников. То ли эльфийские стрелки боялись в такой суете попасть в своих, то ли была поставлена задача именно заколоть меня.

Хотя вскоре мне стало ясно, что эти мерзавцы просто загоняют меня в определенное место. Любая попытка прорваться к домам на стороне улицы, огородами выходящей к реке, оканчивалась неудачей – наперерез мне сразу бросались трое-четверо противников, заставляя меня снова и снова менять направление движения. Я прекрасно понимал, что долго так бегать не смогу, и так уже задыхался и обливался потом, но выхода из сложившейся ситуации найти не мог.

Наконец в рядах загонщиков наметился разрыв. Очередной дом на улице пылал ярким пламенем, естественно, что отсекал мне путь в том направлении никто не стал. А вот пути отступления оказались моментально перекрытыми. Получилось так, что я стоял спиной к горящему дому в полукольце из улюлюкающих и радостно гомонящих эльфов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/evdokimov_dmitriy/solo-dlya-shpagi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)